

Останься
со мной этой
холодной осенью

18+

Мира Ли

Мира Ли

**Останься со мной
этой холодной осенью**

«Автор»

2026

Ли М.

Останься со мной этой холодной осенью / М. Ли — «Автор»,
2026

В семнадцать первая любовь кажется вечной и настолько сильной, что невозможно дышать друг без друга. В тридцать мы учимся слушать голос разума и не верим в глупые чувства. Дима и Рита знакомы со школы. Тогда они были влюблены, но обстоятельства разлучили их. Неожиданная встреча через десять лет как цунами ворвалась в их устоявшиеся жизни, руша всё на своем пути. Решатся ли они снова быть вместе, или голос разума окончательно погасит дремавшие эти годы чувства? Лиричная, неспешная история о том, как любовь становится разговором с собой, а прошлое не исчезает, оставаясь царапинами на сердце. Вам понравится, если вы любите сезонные романы, медленное, атмосферное чтение и истории о любви и взрослении.

© Ли М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Десять лет назад	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45

Мира Ли

Останься со мной этой холодной осенью

Глава 1

Десять лет назад

Дима

Утро первого сентября в Конаковской школе началось как и везде: толпы разряженных, галдящих учеников, чересчур возбужденные родители и уже задержанные администрацией учителя.

Просканировав таблички с номерами классов, я направился к то опускающейся, то поднимающейся цифре одиннадцать. Серьезная дама лет пятидесяти в ярко-голубом шифоном платье и красных туфлях на приличной такой высоте каблуках размахивала табличкой, поворачивая ее на все четыре стороны, сомневаясь, видимо, в способностях почти совершеннолетних учеников найти свой класс.

— Говоров, ёлки-моталки, я тебя уже десять минут назад просила сбегать в кабинет и принести ленты! — гаркнула она на какого-то высокого сутулого парня с непроницаемым выражением лица, и тот, вздохнув, неспеша поплелся к входной двери школы.

— Ольга, Канарейкина! — продолжала перекрикивать гул толпы моя новая классуха. — Найди срочно Ингу Валерьевну, она уже о тебе спрашивала. Готовься к выступлению! Кирилл! Кир-и-илл Ткаче-е-нко. Красавец ты мой...

Всё ясно, как день. Такая спуска не даст — классные часы по расписанию, регулярное общение с родителями и активное участие в жизни школы нам обеспечены.

Я убрал руки в карманы брюк, изучая своих новых одноклассников.

По выданной накануне мамой статистике в классе восемнадцать учеников: девять парней и столько же девушек.

Я пробежался взглядом по толпе — люди как люди.

Парни обычные, не такие понтовые, как в Нижнем, откуда я только что перебрался. Трое из них, во главе с тем самым Ткаченко, о котором только что говорила классная, явно тут главные. Смазливые, деловые и никем не пуганные. Не удивлюсь, если отец одного из них какой-нибудь местный олигарх или депутат.

Среди девчонок легко определить главную активистку (это та самая Канарейкина — в парадной школьной форме прошлого века и с огромными белыми бантами на вьющихся как у африканских негров волосах), заучку (по очкам, втянутой в плечи голове, гладко собранным в пучок русым волосам и старческой юбке) и главную красавицу. Я хмыкнул, встретившись взглядом с симпатичной брюнеткой с выразительными карими глазами. Девушка нисколько не смутилась, даже наоборот: повернулась ко мне и, сложив руки на груди, начала зомбировать меня своим очарованием.

Кх-м-м...

— Привет. Новенький?

Рядом, ломая мимолетный кайф, нарисовался какой-то парень.

— Ага-а, — потянул я, снова пытаюсь вызвать брюнетку на гляделки, но она уже отвернулась, обсуждая что-то со своей подружкой.

Жаль.

— И я новенький. Макс. Томилин.

Он протянул руку, и я ответил, нехотя вытаскивая ладонь из удобного кармана:

— Дима. Фадеев.

— Ну и ручища! — слишком неестественно воскликнул парень. — Качаешься?

Я наконец-то посмотрел на него. Типичный раздолбай: модная прическа с коротко стриженными висками, серьга в ухе, рукава белой рубашки закатаны до локтя, а на запястье сразу несколько разнокалиберных металлических браслетов.

— М-м-м... — ответил я, всем своим видом показывая, что не заинтересован в продолжении разговора.

— Какими судьбами сюда? — спросил он, занимаясь тем же, чем и я пару минут назад — изучая коллектив, в котором придется получать среднее общее образование.

Не, так просто я от этого чела не отделаюсь.

— Отец военнослужащий. Меняем дислокацию, — ответил коротко, и Макс присвистнул:

— Крутяк. Есть такая профессия — родину защищать!

Я закатил глаза. Надеюсь, он не собирается так тупо острить все ближайшие девять месяцев?

— А меня выгнали из восьмой, — не обращая внимания на мою реакцию, загадочно понизил он голос. — За фигню. Прессанули с ребятами одного типа, за дело прессанули, а его предки развозмущались.

Макс замолчал и проследил за моим взглядом:

— Тоже запал на ту темноволосую фемину?

— Тоже... Я был первый. Отчаливай.

Парень кивнул и хмыкнул:

— Замётано. Чё по классной?

— Чересчур активная. Такая запарит.

Он согласно кивнул, изучая мечущуюся из стороны в сторону женщину в ярко-голубом платье.

— Дети! Дети-и-и-и!!! Разберите ленты у Коли и строимся! Активнее, одиннадцатый класс!

Мы многозначительно переглянулись и взяли протянутые нам сутулым парнем белые ленточки, свернутые бантиком для крепления на лацкан пиджака. Я пихнул его в карман, а Макс приколот на рукав, где опознавательный знак тут же слился с его рубашкой.

Ну, а что? Тоже вариант.

После торжественной линейки, из которой я не слышал больше половины из-за ветра и колонок, развернутых от нас в противоположную сторону, мы разобрали испуганных и ошалевших от всеобщего внимания первоклассников и проводили их на первый урок.

По дороге Максим вполголоса сообщал своему семилетнему подопечному о том, что тому еще десять лет придется трубить за партой, помирая с тоски от происходящего, чем в конце концов добился того, что парнишка уперся перед дверями класса, и нам пришлось его силой запихивать внутрь.

— Ребята-а-а-а! — как гром небесный отражаясь от стен коридора раздался голос классной. — Поднимаемся на второй этаж. Новенькие! Томилин, Фадеев, Звонарёва, подойдите ко мне!

Мы с Максом дождались, когда народ схлынет, и двинулись к учительнице. Рядом с ней, облокотившись на стену, уже стояла неприметная худенькая девчонка с короткими, едва достигающими ей до плеч, светлыми волосами и кажущимся огромным рюкзаком, заброшенным на левое плечо.

Максим махнул ей, но она только поджала губы, одернув короткую юбку.

— Так, так, так... — внимательно разглядывая нас троих, произнесла классуха. — Давайте знакомиться. Я Ирина Викторовна, ваша классная руководительница и параллельно учитель алгебры.

Мы недружно кивнули, чем, кажется, не вдохновили её.

— Ладно, — закончив осмотр, вздохнула женщина. — Надеюсь, этот год пройдет спокойно... — Она метнула неуверенный взгляд на девчонку, а потом на Максима. — Вы же нацелены на положительное окончание одиннадцатого класса и успешную сдачу ЕГЭ?

Мы молчали. Не знаю, как эти двое, а я однозначно нацелен — отец из меня отбивную сделает, а мать добавит, если я не поступлю в Политех!

Так и не дождавшись наших ответов, классная снова вздохнула и, резко развернувшись, зацокала красными каблуками в сторону лестницы на второй этаж.

— Это было приглашение, — толкнул меня плечом Томилин, — Погнали!

Несмотря на то, что мы с Максом были на голову выше учительницы и обуты в удобные кроссы, мы едва поспевали за ней. Чего уж говорить про тщедушную девчонку с огромным рюкзаком! На лестнице она споткнулась и точно бы разбила коленки, если бы я не подхватил ее за локоть.

Нереально голубые, совсем как платье нашей классной, глаза полоснули по мне. Краешек красивых губ едва заметно дернулся, словно девушка хотела улыбнуться, но так и не решилась.

— Спасибо, — поблагодарила она, уверенно высвобождая руку.

На мгновение я замер, разглядывая ее необычные черты лица: голубые глаза, не вяжущиеся с ее цветом волос темные брови, родинку на левой щеке, аккуратный вздернутый носик и едва заметный шрам на верхней губе. Девушка смотрела прямо на меня всё сильнее хмуря брови, а я продолжал пялиться на нее, словно мой взгляд насильно к ней приклеили.

— Народ, вы идете? — Макс свесился через перила на два пролета выше. — Я теряю Викторовну из поля зрения!

Мы отмерли и поспешили наверх.

— Ребята, ребята-а! Внимание! Вы-пус-кни-ки!

Когда мы вошли в класс, Ирина Викторовна уже во всю занималась установлением дисциплины. Наши одноклассники не сильно торопились слушать учителя, на полной громкости обсуждая прошедшее лето и планы на вечер.

Заметив нас, та самая активистка, которая читала стихи на линейке, Канарейкина, кажется, затрещала:

— Ребята, ребята, у нас новенькие!

Народ зашумел еще громче, открыто разглядывая нас троих.

Я убрал руки в карманы брюк.

Который раз я оказываюсь в таком положении?

Э-м-м-м... Восьмой? Девятый?

Я уже привык и сбился со счета. В общем-то каждый раз всё проходит примерно одинаково.

Макса такое положение тоже не напрягало, даже наоборот. Он расслабленно пялился на ребят в ответ, слегка закинув голову назад. А вот тщедушная девчонка, кажется, была не в восторге. Особенно от повышенного внимания местных крутышей и их присвистываний.

Мне послышалось, или она сейчас зубами скрипнула?

— Верно, Оля. В нашем классе пополнение! С сегодняшнего дня с вами будут учиться Дима Фадеев, Максим Томилин и Маргарита Звонарёва. Прошу вас отнестись к ребятам дружелюбно и во всем помогать им, — с неестественной радостью объявила Ирина Викторовна. — У нас дружный, хороший класс, и я надеюсь, что вы примите новых учеников хорошо...

Бла-бла-бла... Не знаю почему, но из всей её болтовни я запомнил только имя и фамилию странной девчонки.

Наконец нам указали на свободные парты в конце класса, и Рита спешно заняла козырное местечко на крайнем ряду у окна.

Шустрая...

— Спасибо, Ирин Виктрна! И мы будем стараться! — расшаркался Макс. *Подлипала, блин!* Я поправил на плече сумку и сел на последнюю парту через проход от новенькой. — Народ, оторвемся по полной, ведь это наш последний учебный год в школе! — не унимался Томилин. — Всем отличного учебного года!

Народ не сильно вдохновился. Под ленивые аплодисменты и негромкий свист Макс покинул наконец-таки импровизированную сцену и сел рядом.

— Поддерживаю расположение, — шепнул он, указывая подбородком на симпатичную брюнетку, которую с моего места было отлично видно. Она оглянулась через плечо и кокетливо подмигнула мне.

Я хмыкнул и откинулся на стуле: кажется этот учебный год будет не таким уж и тухлым.

Глава 2

— Мить, это ты? Помоги мне скорее! — донесся мамин голос из большой комнаты.

Я только вошел в прихожую и не успел еще даже разуться, когда мама позвала меня.

Она стояла на верхней ступеньке стремянки, борясь с шуруповертом в попытке прикрутить карниз.

— Давай я, — протягивая руку, предложил скорее по необходимости, чем из реального желания помочь. Тут я был заложником. Если мама взялась за обустройство новой квартиры, то она всё равно не утомонится, пока всё вокруг не превратится в обжитый дом. А это будет, по ходу, не скоро. Так что остается только смириться и сделать всё, чтобы это скорее закончилось.

— Оу, конечно! — Она быстро спустилась на пол и с облегчением всучила мне увесистый профессиональный инструмент. — Как дела? Как новая школа?

— Всё норм. Школа как школа...

— Как ребята? Хороший класс?

— Нормальный, — радуясь громкому похрустывающему звуку закручивающегося самореза, заглушающему мой голос, кивнул я.

— Ну и отлично! Сейчас суп погрею, расскажешь поподробнее! — перекрикивая шум, сообщила она.

Я проводил ее взглядом, и взялся за второй саморез.

В отличие от мамы я не испытывал оптимизма: ни по поводу новой школы, ни по поводу очередной казенной квартиры. Сколько раз наша семья переезжала из города в город, пытаясь дотянуть до пенсии отца? Кажется, мы только и делаем, что переезжаем с места на место. Не знаю, где мама каждый раз находит силы начинать всё сначала. Я выбрал другой путь — отключил чувства и эмоции. Вместе с эмоциональным апгрейдом пришло какое-то безразличие и простота. И норм.

Я со всей силы нажал на рукоятку шуруповерта, вгоняя саморез в дюбель.

За ужином отец был сильно напряжен. Его широкие покатые плечи опустились, а здоровенные кулаки сжимались с говорящей регулярностью. По ходу на новом месте не всё гладко.

Я с трудом переваривал подобные семейные сборища — разговоры ни о чем, морализаторство и тирания, но отец был непреклонен в своем желании каждый вечер лицезреть нас за одним столом и раздавать никому ненужные приказы.

— Как новая школа? — по второму кругу дублируя мамины вопросы, спросил он.

— Всё ок, — запихивая в рот большой кусок мяса, чтобы хотя бы так оправдаться за короткий ответ, буркнул я.

— Дмитрий, ты заканчиваешь школу, впереди экзамены и поступление. Соберись и, пожалуйста, стань уже серьезнее. Ок... Что это вообще значит? В русском языке есть нормальное слово — хорошо. Ты можешь хотя бы дома говорить как человек, а не мычать как корова?

Отец был мною недоволен. Не только сейчас. Вообще. Я с самого раннего детства не дотягивал до его стандартов. Выпускник Новосибирского высшего военного командного училища имени Жукова, отличный офицер, подполковник... Как только я признался, что не хочу продолжать семейную династию и становиться военным, он сначала впал в бешенство, а потом словно потерял ко мне интерес. Единственное, что периодически заставляло его оживать и обращать на меня внимание — это моё поведение. Я должен был «не создавать проблем», «учиться если не блестяще, то отлично» и «сходиться только с правильными, нужными людьми». Пока всё шло по плану — дома царил мир и покой, но стоило мне где-то выделиться — и начинался дурдом.

— Хорошо, пап, — проглатывая последний кусок ужина, пообещал я.

— Ну и отлично. Иди отдыхать.

Я поблагодарил маму за еду и вышел с кухни.

В маленькой, метров девять, не больше, комнате, называвшейся теперь моей, умещалась полутораспальная кровать, небольшой платяной шкаф, рабочий стол и стул. А большего мне и не нужно! За годы постоянных переездов я почти стал минималистом: редко за что держался и спокойно привыкал к новому. Это касалось не только вещей, но и окружающих меня людей.

Такое отношение здорово упрощало жизнь.

Завалившись на кровать, я тупо разглядывал белый потолок, с едва заметной трещинкой, протянувшейся от одного края до другого.

Рубануться, что ли, в Fallout4?

На кухне послышался громкий, снова чем-то недовольный голос отца. И пусть сейчас он был обращен к матери, меня всё равно передернуло. Я встал с кровати и выскользнул в коридор.

«Чем занят?» — В кармане завибрировал телефон, и я разогнулся, чтобы прочитать сообщение. Томилин поймал меня у двери, обувающим кроссы.

Этот парень всерьез решил со мной подружиться?

«Собираюсь на улицу, подышать свежим воздухом», — быстро напечатал я и, захватив ключи, вышел в вонючий подъезд панельной девятиэтажки, в которую нас заселили. Минув три пролёта, наконец-то толкнул входную дверь и, шагнув на улицу, вдохнул полной грудью.

— Вот это скорость! Ты, конечно, чёткий пацан! — протягивая мне банку с энергетиком, удивленно присвистнул Максим. Он сидел на скамейке у подъезда, вальяжно закинув ногу на ногу.

— Ты умеешь телепортироваться? — кайфуя от ощущения влажной прохлады сильно охлажденного напитка на ладони, на всякий случай спросил я.

— Да ну нафиг! — фыркнул парень. — Ты ж сам сказал, что живешь на Энергетиков, у магазина.

— А ты и запомнил?

Банка с характерным треском открылась, обдавая запахом лайма. Я сделал глоток и посмотрел в темнеющее небо.

— А как же! — Томилин улыбнулся, и его зубы оказались такого же цвета, как и белоснежная футболка. — Ты для меня стратегически важен. Во-первых, мы оба новички в классе, удобнее держаться вместе. А во-вторых... Понимаешь, я и так перед предками проштрафился, если еще и экзамены завалю — мне не жить!

— Сочувствую. Я-то тут причем?

— Причем... Да при том, что ты почти отличник. Тебе же не сложно помочь мне до ЕГЭ дотянуть и сами экзамены не слить на «неуды»? — Макс отсалютовал мне своей банкой.

Ага. Спешу и спотыкаюсь помогать кому-то! И как этот шнырь уже узнал о моей успеваемости?

— Я в репетиторы не нанимался. Давай без меня как-нибудь.

— Да ла-а-адно, Диман, со мной уроки учить не нужно. Перед тобой чемпион города по списыванию! — Макс приосанился, будто орден готовился принимать. — Наметим схемы, отработаем. Никто не просечет. Взамен предлагаю свою пацанскую дружбу и все связи местного жителя.

Я скептически осмотрел местного выпендрейника и решил пока не посылать его окончательно. Вдруг пригодится.

Пару минут мы молча пили флэш, уставившись в низкое, усыпанное звездами небо.

— Я погуглил, что в городе есть зал с бассейном. Нормальный? — первым подал голос я.

— Зал? — он прищурился, изучая моё лицо, видимо, проверял: развожу или серьезно. — Ты реально спортсмен что ли?

— А что? Не слышал — спорт сейчас в тренде.

Он заливисто захохотал, давая свою оценку набирающему обороты модному течению среди столичной молодежи. Не то, чтобы я был пробитым зожником или фанатом качалки, но тренажерка помогала не слететь с катушек, когда дома всё доставало окончательно. А с моим отцом такое случалось нередко.

Томилин наконец-то перестал ржать, и мы снова погрузились в молчание.

— О, смотри, это ж наша новенькая! — указывая на невнятный силуэт, мелькнувший на тропинке за кустами в паре метров от нас, вдруг воскликнул Макс.

И точно она. Я бы не узнал. Даже внимания не обратил бы. Бесформенная черная толстовка и собранные в хвост волосы меняли ее до неузнаваемости, делая похожей на тщедушного подростка.

Ей точно уже семнадцать?

— Марго! Звонарёва! Марго-о-оша!!! — завопил Макс.

Я удивленно приподнял бровь: *резвый парень — и имя новенькой запомнил, и ведет себя так, словно они сто лет знакомы!*

Девушка посмотрела на нас. Кажется, ее совсем не удивила эта встреча. Зато у меня от ее взгляда вдоль позвоночника пробежали мурашки.

Это что-то новенькое...

— Иди сюда, — позвал Риту Томилин.

— Зачем? — перекладывая из руки в руку не легкий, видимо, пакет с продуктами, спросила она.

— Так...это... Поболтать.

— Не интересно, — сообщила Рита и двинулась дальше.

Я удовлетворенно хмыкнул. Какой подкат — такой и результат!

— Эй, мелкая, ты чего такая дерзкая? Страх потеряла? — беззлобно тыкая пальцем вслед удаляющейся девушке, зашипел Томилин. — Завтра в школе увидимся, получишь еще за такое хамство! Я тебе крылья-то пообломаю...

— Я домой, — выкидывая пустую банку в урну, сообщил я. — В следующий раз приноси что-нибудь покрепче.

— В следующий раз? — переключаясь с проклятий в адрес новенькой на меня и пытаюсь вникнуть в смысл сказанного, спросил Макс. — А! О! Диман, ну ты человек!!! Как знал, что ты не откажешь! Замётано! — сообразив, заорал он.

Даже не уверен: стоило ли отвлекать его внимание на себя?

Он нёс что-то еще, но я уже не слышал, взбегая по лестнице на свой этаж через две ступеньки, чтобы не умереть от подъездной вони.

Глава 3

— Садись, Звонарёва, — отмечая что-то в журнале, со вздохом сказала Ирина Викторовна.

Рита едва заметно нахмурила брови. Положив мел в коробку рядом с доской, она под обстрелом насмешливых взглядов хорошистов и отличников с первых парт прошла и села на своё место.

Классная начала урок с проверки знаний пройденной программы, и новенькая сейчас с треском провалилась, не решив тригонометрическое уравнение с арккосинусом.

— Слышь, Марго, даже я не такой тупой. Это тебе за твой скверный характер воздаётся, — прошептал Томилин и тихонько заржал. Девушка, словно и не слышала, отвернулась к окну и уставилась на школьный двор, на котором сейчас какой-то класс занимался физкультурой.

Её лицо казалось совершенно спокойным, и только руки, сжатые на коленях в кулаки, выдавали небезразличие.

— Печально, Маргарита, печально... Может, Дима Фадеев сможет решить уравнение? — нарушая мои размышления, обратилась ко мне Ирина Викторовна.

— Конечно, сможет! — ответил за меня Макс. — В отличие от *некоторых* он сечёт в алгебре!

С этим парнем нужно что-то делать. Он что, записался ко мне в пресс-секретари? Капец как бесит!

За мной наблюдал почти весь класс. Я вышел к доске и быстро справился с заваленным Ритой уравнением. Ещё в процессе решения слышал, как за моей спиной нарастал гул удивленных голосов.

— Надо же, какой интересный способ решения! — оживилась Ирина Викторовна. — А если я заменю вот этот показатель на два, а вот это оставлю неизвестным?

— Тогда результат будет таким, — дописывая и кладя мел на край доски, ответил я.

— Дима-а-а, какой же ты молодец! — учительница громко хлопнула в ладоши. — Всё верно! Радуйтесь, ребята, что к нам в класс пришел такой сильный ученик.

«Минуй нас пуще всех папастей и барский гнев, и барская любовь», — как говорится.

Раздались нестройные аплодисменты. Ткаченко и Ко сканировали меня недовольными взглядами, а заучка Элина явно начинала меня ненавидеть. Ещё бы. Краду ее хлеб.

А вот и нежеланное внимание.

Я поспешил убраться на своё место. Усаживаясь, скосил взгляд на Риту — она продолжала смотреть в окно, только руки теперь спокойно лежали на парте.

Какого чёрта меня вообще интересует её реакция?

— Ребята, важное объявление! — постукивая ручкой по столу, снова громко заговорила Ирина Викторовна. — В этом году нас ждет много совместных мероприятий и экскурсий...

Ну точно, как и ожидалось.

— Ты сегодня в семь свободен? — подталкивая меня в плечо, тихо спросил Томилин.

— А что?

— Могу поводить тебя по двум ближайшим к твоему дому спортивным клубам. Один с бассейном.

Беру свои слова обратно — такой смекалистый парень мне пригодится! Пока.

— Договорились.

— ... В связи с этим вам необходимо разбиться на пары и к концу учебного дня занести мне итоговый список! — повышая голос, резюмировала классная.

Раздался звонок на перемену, и я уставился на Томилина:

— Чего за итоговый список? Мы ж, вроде, про экскурсии говорили?

— Хрен его знает, — пожал плечами Макс. — Народ, чего за тема с парами? — крикнул он на весь класс.

— Максим, включайся в учебный процесс, времени на глупости совсем нет, — назидательно забубнила Канарейкина. — Ирина Викторовна попросила всех разбиться на пары для дежурства по классу.

Увидев наши с Максом непонимающие лица, она вздохнула и снизошла до объяснения:

— Каждый день после уроков дежурные следят за чистотой в классе: поднимают стулья на парты, проверяют, закрыты ли окна, в порядке ли учительский стол, мусор выносят и всё такое.

— Ну и ок, — мгновенно расслабляясь, заявил мой сосед по парте. — Мы с Диманом сидим вместе, вместе и дежурить будем. Да, бро?

Я пожал плечами:

— Пофиг.

Макс оживился и вслед за Канарейкиной отправился искать листок, на который нужно было записаться, а я достал мобильный, бесцельно скроля ленту социальных сетей.

— Привет! — раздался тоненький, почти детский голос над самым моим ухом. — Ты с кем дежуришь?

Я поднял взгляд на симпатичную брюнетку, которую, как выяснилось на уроках, зовут Алёна. Сегодня она была в темных, обтягивающих все её неровности джинсах-скинни и короткой белой футболке, из-под которой выглядывала часть живота.

Я задержал взгляд на этой загорелой линии тела, так очевидно выставленной напоказ и только потом посмотрел ей в глаза:

— С Максом.

— Может, поменяешься? — она опустила глаза, изображая стеснение. Алёна белыми нитками шила и даже не скрывала этого. — Предлагаю дежурить вместе...

— Что?! Поменяться? — рядом нарисовался псевдо-возмущенный Томилин. — Если я поменяюсь с тобой местами, то мне необходима компенсация!

— Чего ты хочешь? — по-деловому опираясь на парту, спросила девушка.

Вау... Неужели настолько жаждет дежурить именно со мной? Провинциальные методы никапа удивляли не меньше, чем в больших городах.

Если честно — мне вообще всё равно, с кем я буду после уроков поднимать стулья на парты, но симпатичная фигуристая девчонка всяко приятнее, чем парень-зануда.

Я откинулся на спинку, наблюдая, как эти двое договариваются и решают, кто будет проводить со мной лишние пятнадцать минут в дни дежурств. В итоге победила хитрость и отвратительная актерская игра Макса — он отказался от своего места в обмен на знакомство с подружкой Алёны из танцевальной студии.

— Супер! — Максим щелкнул пальцами, явно считая, что взял всё от сложившейся ситуации. — Народ, кто остался без пары для дежурства?

В классе на мгновение повисла тишина. Заучка Элина сверилась со списком:

— Так...Эм-м-м... Звонарёва.

Как по команде все повернулись в сторону Риты. Она медленно сняла наушники и посмотрела на говорившую:

— Что?

— Вы с Максимом остались... На дежурство, — почему-то пробормотала Элина.

— Да бли-и-и-н!.. Серьёзно? — простонал Макс. — И почему мне так не везё-о-о-от? Алён, давай обратно поменяемся?

— Не мечтай, Томилин!

— Ну что, записываю вас? — обращаясь к Рите, уточнила Элина. Та кивнула и идеально копируя голос Макса, парировала:

— Это тебе за твой скверный характер воздается!

Я хмыкнул и снова уткнулся в телефон.

— Ну берегись, Марго... — Захватив из сумки сигареты, мой сердитый сосед по парте свинтил за школу.

Не уверен, что Томилин способен на месть девушке, но Рита вела себя как бессмертная: не пыталась кому-то понравиться или хотя бы завязать отношения с одноклассниками, оставаясь одиночкой.

Вообще — это *моя* привычная позиция, но бороться за неё с девчонкой я точно не стану!

— Что делаешь сегодня вечером? — усаживаясь на освободившийся рядом стул, спросила Алёна. По ходу уже решила, что у нас всё срастается, раз она сторговалась с Максом заменить его во время дежурства.

— Есть одно дело.

— М-м... А в пятницу?

— Не знаю. Есть предложения?

Девушка кокетливо прикусила нижнюю губу, пряча довольную улыбку. Эта очевидная игра забавляла.

— Ага. Сходим в «Метрополис»? Это клуб в центре. Там местная группа выступает. Прикольная. А потом дискотека. Начало в восемь.

— Не вопрос, — не раздумывая, ответил я.

Ну, а чего ломаться?

Алёна снова деланно засмущалась и пересела за свою парту.

Как же она технично клеила меня! Ну и ок. К чёрту долгие прелюдии.

Я повернулся к окну и наткнулся на насмешливый взгляд Риты. Сработало как парацетамол при температуре — эйфория сразу же куда-то испарилась.

Мы уставились друг на друга, словно от того, кто кого переглядит наша жизнь зависела. Светлые волосы, слишком темные брови, огромные ярко-голубые глаза и шрам над верхней губой... Что-то было в этой неказистой девчонке, что триггерило меня. Осталось понять *«что»* и проехать это недоразумение.

Глава 4

Рита

Длинная темная челка падала на лоб, почти закрывая наглые серые глаза, уставившиеся на меня. Губы исказились в высокомерной гримасе.

Фадеев — настоящий, махровый бабник.

Мне это стало понятно еще в первый учебный день, когда он, не успев войти на школьный двор, уже клеил первую красавицу класса Алёну Мельникову.

Бабник и высокомерный всезнайка! Одно его выражение лица чего стоит! Да у него на лбу написано: здесь нет достойных меня. Ненавижу таких парней: знает, что офигительно красивый (и умный к тому же), вот и выставляет это напоказ! С каким удовольствием он с легкостью решил не поддавшееся мне уравнение по алгебре...

— Марго-о-о! Ты никак на Димана запала? — подал голос еще один персонаж из списка моих антипатий, появившись в тот момент, когда Фадеев уставился на меня, а я принципиально не отводила взгляд.

Максим Томилин. Половинчатое приложение к Фадееву: симпатичный, но тупой, как пробка и уж больно разговорчивый.

— Мельникова его уже застолбила, — по-идиотски играя темными бровями, доверительно прошептал Томилин.

Что за дурак!

Я отвернулась, разглядывая унылый школьный двор.

Новая школа. Новый класс, учителя... И это за год до окончания! Ну и как пережить девять месяцев и не свихнуться в этом дурдоме?

Сама не заметила, как громко вздохнула.

— Да ладно тебе, Звонарёва, страдать! Встретишь кого-нибудь другого! — не унимался Томилин. Я сжала кулаки.

Хорошо, что прозвенел звонок, а иначе не знаю, что бы сделала с этим придурком.

Медленно вдохнула и выдохнула, прежде чем свериться с расписанием. Литература. Может, хотя бы здесь мне повезет больше, чем на алгебре.

В класс зашла молоденькая учительница, больше похожая на студентку, чем на препода, который нас хорошо подготовит к экзаменам, а судя по разговорам одноклассников на переменах, всех только результаты ЕГЭ и интересуют.

М-да...

— Здравствуйте, ребята! — раскладывая свои вещи на столе, поздоровалась она. — Меня зовут Мария Вячеславовна, и в этом году я заменяю Ольгу Валерьевну, ушедшую в декрет.

Раздались расстроенные возгласы и недовольные перешептывания.

Я села поудобнее, пытаюсь получше рассмотреть учительницу: светло-русые волосы собраны в аккуратный хвост, рубашка, синие брюки и балетки, делающие ее еще больше похожей на девочку, глаза живые, улыбка открытая. Симпатичная, хоть и макияжа на ней только тушь и аккуратные стрелки, делающие ее глаза похожими на лисьи.

Я почувствовала, как уголки моих губ дернулись, пытаюсь улыбнуться. Мария Вячеславовна мне понравилась: я почувствовала в ней искренность и легкий флер свободы от школьных рамок.

— Кто из вас любит литературу и планирует в дальнейшем связать жизнь с этой наукой? — не обращая внимания на холодный прием, спросила учительница.

Пару человек неохотно подняли руки.

— Да... Вижу, в вашем классе собрались не гуманитарии, — опираясь о первую парту, за которой, глядя ей в рот, сидела Элина Климова, задумчиво произнесла Мария Вячеславовна. — Ну, а читать-то кто-то из вас любит?

Тут рук стало гораздо больше. Даже зазнайка Фадеев отметил.

— О-о-о! Это приятно! — улыбнулась Мария Вячеславовна. Она подошла к доске и мелом разделила ее пополам. — Поиграем?

Народ напрягся, ожидая дальнейшего развития событий.

— Я — против вас всех. Каждый из вас назовет по одному произведению (не фанфик и не роман малоизвестного автора), а я должна буду кратко описать его сюжет. Угадываю — очко мне, нет — вам. И — как бонус — пятерка в журнал. Проигравшая сторона в течение учебного года должна будет прочитать все названные в игре книги. Вы в деле?

Ребята загудели, чувствуя какой-то подвох, но скоро успокоились. В общем-то условия нормальные. Думаю, мало кто рассчитывал, что эта вчерашняя студентка сможет победить, а получить на халяву пятерку жаждал каждый!

— Николай Рыбаков, «Дети Арбата», — сделала ход Климова и поправила очки, ожидая ответа. Сразу понятно — выделиться пытается. Одним словом — отличница. И роман-то какой выбрала... Мария Вячеславовна с легкостью ответила (еще бы, классика!) и поставила галочку на одной части доски. Элина покраснела и уткнулась в тетрадь.

— Стивен Кинг, «Жребий Салема», — выкрикнул с правого ряда Коля Говоров, тот самый, что раздавал нам бантики первого сентября. По рядам пробежался смех. Но учительница снова не подвела.

— Дмитрий Глуховский, «Метро 2035», — с ленцой озвучил Ткаченко, вальяжно протянувший в проход свои длинные ноги. Его дружки одобрительно загалдели. Мария Вячеславовна немного подумала, но ответила. И снова правильно. Кто-то из парней присвистнул. Кирилл хмыкнул и царственно махнул рукой: типа, не очень-то я и старался.

— Даниил Каверин, «Два капитана», — предложила всегда активная Оля.

— Канарейкина, ты проиграть планируешь? — возмутилась Алёна Мельникова, хлопая обильно накрашенными ресницами. — Эту книгу мы в пятом классе читали!

По рядам пробежал согласный ропот.

— И всё же, раз задание получено, позвольте, я отвечу, — прищуриваясь, сказала Мария Вячеславовна. Она коротко описала сюжет и поставила себе четвертую галочку.

Через десять минут еще пять романов были угаданы. На доске красовался позорный для нас счет девять ноль.

Ребята заметно заволновались. В классе повисла тишина, наверное, все хотели придумать и вспомнить что-нибудь посложнее.

— Роберт Хайнлайн, «Дверь в лето», — подал голос Фадеев.

— Эм-м-м... — замешкалась учительница. — Не буду обманывать, я эту книгу не читала, лишь слышала о ней. Очко вам. Поздравляю.

Раздались одобрительные возгласы. Фадеев поморщился, словно его утомляла такая реакция окружающих. На какое-то время я снова задержала на нем взгляд: *ему самому-то не тошно с таким надменным выражением лица жить?*

— Эрика Джеймс «50 оттенков серого»! — вызвав взрыв хохота, выкрикнул Томилин. *Гос-с-споди... Можно ли было ожидать от него чего-то другого?*

Под одобрительные возгласы парней Мария Вячеславовна озвучила сюжет, ловко минуя пикантные моменты. Класс отозвался аплодисментами.

Не знаю как, но учительнице удалось с легкостью ответить на все оставшиеся задания. Пока очередь не дошла до меня.

— Джон Бойн, «Мальчик в полосатой пижаме», — ненавидя свой тихий голос, сказала я.

— И-и-и... я еще не читала этот роман! — отчего-то радостно сообщила Мария Вячеславовна. — Поздравляю с заслуженной пятеркой.

Почти все одноклассники оглянулись. *Еще бы! Я ж что-то членораздельное вякнула после своего фееричного молчаливого провала на алгебре.*

— Итак, результаты на доске, — вытирая от мела руки, объявила Мария Вячеславовна. — К завтрашнему уроку я составлю список озвученной литературы. Наберитесь терпения и ищите свободное время на чтение!

Народ загалдел, но эта молоденькая учительница уже дала понять: мы будем играть по её правилам. Я хмыкнула. Она мне всё еще нравилась.

— Записываем тему урока, а наши отличники пока сходят в библиотеку и получают учебники и учебные пособия на весь класс, — стирая с доски результаты нашего позорного проигрыша, бросила через плечо Мария Вячеславовна. Мы с Фадеевым переглянулись, не спеша подниматься со своих мест. — Сейчас передумаю и отменю ваши пятерки!

Не знаю, как зазнайке Фадееву, а мне повторять было не нужно. Я подскочила и выбежала в коридор, направляясь к лестнице на первый этаж.

— Ты бег на сто метров сдаешь? — догоняя меня через один пролет, съязвил парень. — Может, сбавим обороты?

— Да не вопрос, — огрызнулась я и резко остановилась. Фадеев, видимо, совсем не осознавал себя в пространстве, потому что с разбега так налетел на меня, что я чуть не покатилась с лестницы. Точно полетела бы, если вовремя не ухватила бы за перила. — Какого черта ты творишь?!

Ответа я не получила. Как и извинений. Фадеев одарил меня спокойным, полупустым взглядом, запихнул руки в карманы брюк и пошел вниз.

Вот же нарицис!

В небольшое фойе библиотеки набилось человек десять. Судя по разговорам — все за учебниками. Расталкивая шумных девочек из средних классов, я пробралась к Фадееву и встала рядом. Его высокая фигура выделялась среди присутствующих и казалась огромной в этом маленьком пространстве, а я рядом с ним выглядела восьмиклассницей, не иначе.

— Какой няшка, Олька, смотри! — прошептала девочка, стоящая в очереди перед нами. Глупая Олька, к которой она обратилась, тут же обернулась, восторженно распахнув глаза. Фадеев подмигнул подружкам, отчего те захихикали и отвернулись.

Я вздохнула.

Пошлаatina.

— Что? — наклоняясь ко мне, тихо спросил он. — Завидуешь?

Я почувствовала, как от его наглой близости и обволакивающего аромата туалетной воды вдоль позвоночника пробежал холодок.

Ну и что это за реакция? Может, у меня аллергия на этого ненормального разыгралась?

Я отшатнулась и только потом ответила:

— Чему?

Фадеев хмыкнул. Отвечать на мой вопрос он не собирался.

Да и плевать! Вообще не интересно. Сказала хоть что-то, чтобы идиоткой не выглядеть.

— Ребята, не шумите и не толкайтесь, — подала голос библиотекарь. — Учебников всем хватит! Давайте вперед начальную школу пропустим.

Ученики зашумели, нехотя пропуская малышей к стойке.

— Почему Бойн? — спросил он вдруг.

Я пожала плечами:

— Просто нравится книга.

Фадеев повернулся и уставился на меня. Он разглядывал меня долго и бесцеремонно. От этого взгляда отчего-то стало не по себе, и я отвернулась.

— Мне, кстати, тоже, — хмыкнул он и, достав из кармана телефон, углубился в изучение фоток аккаунта Алёны. — Хотя, говорят, что это книга на любителя...

Глава 5

Перепады настроения этого парня нервировали и раздражали. То он хватает меня за руку, чтобы я не упала, то готов столкнуть с лестницы, то клеит окружающих девушек как звезда сериала, а то вдруг становится простым и подозрительно положительным...

— Маргарита! Маргари-и-ита-а-а! — строгий, с легкой хрипотцой голос бабушки донесся из приоткрытой двери ее комнаты.

Я стянула в прихожей кеды и на цыпочках, чтобы не скрипел старый рассохшийся паркет, заглянула к ней:

— Привет.

— Здравствуй, — бабушка царственно восседала в своем кресле-качалке и гладила здорового перекормленного кота по кличке Барт. Не знаю, имела ли история его имени отношение к французскому философу и литературоведу, но внешне он совсем не походил на интеллигента, — так, дворовый кот, которому повезло попасть в любящие руки. — На кухонном столе рецепт, сходи в аптеку.

— Я только со школы пришла. Сейчас перекушу и...

— Нет, прямо сейчас сходи! — повышая голос, перебила бабушка. — Врач сказала в обед уже выпить обезболивающее, а ты и так неизвестно где шлялась до четырех вечера! Вот доживешь ты до моих лет, дай бог не знать тебе, что это за болезнь такая — артрит, когда не то, что ходить, сидеть больно!..

Объяснять и спорить было бесполезно. Я закрыла дверь и, ругаясь про себя, пошла на кухню. Бабушка из своей комнаты все еще пыталась докричаться до меня и моей совести. Бесполезно. Я мастер уходить в себя, когда мир вокруг проявляет агрессию или чем-то раздражает.

Открыв холодильник, с тоской обнаружила там вчерашний овощной суп и маленький, уже заветренный, кусок вареной колбасы.

Негусто.

Захватив колбасу и рецепт с деньгами, я обулась и снова вышла на улицу.

— Здравствуй, Риточка, — поприветствовали меня бабули на лавочке у подъезда. И когда они уже успели тут обосноваться, я ж пять минут назад мимо проходила — было чисто.

— Здрасьте, — кивнула я и, дожевывая на ходу невкусную колбасу, поспешила исчезнуть из поля зрения местной полиции нравов. Куда там! Всё равно уловила часть мнения о себе от соседки снизу.

Я жила здесь вторую неделю, а уже хотелось удушиться! И дело тут не только в «здоровом» пенсионерском питании или в чересчур болтливых соседках, а в несносном характере бабушки!

До недавнего времени я не была у нее частой гостьей и теплых отношений у нас не случилось. Дома родители называли ее не иначе как Мирослава Яковлевна, видимо, подчеркивая разность наших положений. В прежние годы бабушка почти постоянно пропадала на работе и в редкие свободные дни заниматься воспитанием внучки не рвалась. Должность директора школы, которую она занимала более тридцати лет, накладывала свой отпечаток на ее поведение и круг общения.

По праздникам мы с родителями приезжали в эту большую с огромной проходной комнатой-гостиной квартиру, чтобы Мирослава Яковлевна могла снисходительно кивнуть на нас и бросить многочисленным высокопоставленным гостям: «Вот моя дочь, Оксана и её скромная семья»... Вот и вся честь. Дальше все присутствующие теряли к нам интерес, и мы просто сидели и слушали непонятные разговоры.

С детства мне казалось, что Мирослава Яковлевна стыдилась нас. Больше всех доставалось маме, ведь это она, отучившись в Питере на врача-стоматолога вернулась на родину, а не

зацепилась в Северной столице за успешного петербуржца. Дальше — больше. Устроилась на работу в районную поликлинику, а через год вышла замуж за молодого инженера с местной ГРЭС.

Тоска и банальщина.

То ли дело старший сыночек Иван и его дети — Олег с Егором, мои двоюродные братья. В отличие от нас, неудачников, они жили в Москве и показывали незаурядные таланты в учебе и прочих занятиях. Олег — победил на Всероссийской олимпиаде школьников по физике, а Егор еще в девятом классе получил КМС по шахматам.

Браво!

Не знаю, как рядом с такой требовательной, жесткой и холодной женщиной росла и взрослела моя мама, но мне всегда было в присутствии бабушки некомфортно.

И зачем я только согласилась переехать к ней?

— Как там Мирослава Яковлевна? — растягивая губы в натянутой, ненастоящей улыбке, спросила провизор в аптеке. В этом районе бабушку знали все. Ещё бы, директор местной школы!

— Нормально, — буркнула я, не желая играть в неискреннюю вежливость, и, захватив пакет с лекарствами и сдачу, вышла на улицу.

Несмотря на начало сентября погода была что надо. Жаль, что бабушка ждет лекарства, а так бы пойти сейчас на набережную и поваляться на лавочке, подставляя лицо последнему осеннему солнцу...

Забытые воспоминания о наших весенних тусовках с ребятами из бывшей школы на берегу Волги теплом прокатились по телу, но тут же резко сменились картинками майского инцидента. Я снова почувствовала, что не могу сделать вдох. Почти как в те дни, когда моя жизнь летела в бездну, разваливаясь на миллион частей.

— Маргари-и-ита-а-а! — как голос из потустороннего мира донеслось до меня откуда-то сверху. — Я долго еще буду ждать тебя?

Я с трудом разглядела высунувшуюся из окна нашей квартиры бабушку. Вот же неугомонная пенсионерка!

Сорвавшись с места, я почти бегом минула полицию нравов и взлетела на третий этаж. В правом боку закололо. Бег никогда не был моей сильной стороной, да и вообще спорт — не моя тема. Перед дверью квартиры я едва дышала и единственное, о чем могла сейчас думать — не упасть в обморок.

Стакан воды, перебранка с бабушкой, — и вот я в своей комнате.

Упав на неудобную кровать, я закрыла глаза.

Не надо, Рит. Не вспоминай об этом...

Громкий звонок моего телефона, выдергивая из неприятного, тут же забытого сна, заставил вздрогнуть. Сердце в груди бешено заколотилось.

И когда я стала такой пугливой?

— Привет, Маргоша! — в трубке раздался весёлый голос мамы. — Как дела, малышка?

— Всё нормально. Привет.

— А что с голосом?

— Н-н-ичего, уснула...

— Вечером? — недоверчиво уточнила мама.

— Ага.

— Ну ладно... Как в целом? Справляешься?

— Угу. Когда я смогу переехать к вам с папой?

— Милая... — я слышала, как мама вздохнула. — Мы же уже говорили... В этом учебном году, скорее всего, не получится. Прости...

Я всё знала. И понимала. Но — вдруг?

— У тебя точно всё нормально?

— Точно, — беря себя в руки, сказала я. — Просто... Я скучаю.

— Маргоша, милая... И мы с папой очень скучаем по тебе! Кстати! — в голосе мамы появились заговорческие нотки, совсем как в те времена, когда я была еще маленькой, и она вечно придумывала для меня какие-то простые приключения, но подавала это настолько ярко и артистично, что казалось, будто происходит какое-то волшебство. — Хотели устроить сюрприз, но... Мы купили билеты к вам на ближайшие выходные! Ты рада?

— Угу. Очень.

Мама засмеялась:

— Узнаю свою дочку!

— Нет, правда, рада, — собирая последние силы, как можно более воодушевленно произнесла я.

Новость была отличная, так чего же тогда к горлу подкатил неприятный ком?

— Наболтаемся, сходим куда-нибудь вдвоем. Хорошо?

— Супер, мам.

— Я люблю тебя.

— И я тебя...

Глава 6

Дима

— Фадеев, притормози. Разговор есть.

Ну наконец-то Ткаченко созрел на выяснение отношений, а то вторую неделю разглядывает меня издалека, будто на свидание позвать хочет. Я улыбнулся своей плоской шутке, наблюдая как король одиннадцатого класса в сопровождении верных шестёрок Игната и Богдана приближаются ко мне.

— Гляжу, у тебя настроение отличное? — останавливаясь всего в полуметре от меня, спросил Ткаченко. Он поигрывал ключами от мотоцикла, подаренного ему недавно отцом и широко обсуждаемому среди одноклассников.

Улыбка сползла с моего лица. Не люблю, когда посторонние, а тем более неприятные мне люди подходят так близко. Чувствуя, как моё состояние с нейтрального становится негативным, я рефлексивно сжал кулаки:

— Моё настроение обсудим, или уже сразу обозначишь, что за претензии? — прямо спросил я. Вот и второе «не люблю» — прелюдии эти тошнотные перед дракой. На хрена, если и так понятно, чем дело закончится?

Драться, как и переезжать, мне приходилось часто. И началось это во втором классе. Только зайдя впервые в здание школы в Ростове, я сразу же получил удар под дых. Как выяснилось — за идиотское выражение лица. Часто меняя школы, я четко уяснил простую истину: если ты новенький, то местным парням даже не нужно искать повод, чтобы вмазать тебе.

— А ты шустрый, как скорый поезд, — Ткаченко сплюнул на асфальт. — Может, я поближе познакомиться хочу.

— Уже познакомились, — глухо процедил я.

— Фадеев, не слишком ли ты загоняешься? — По интонации было понятно, что он на взводе. — Явился тут столичный мажор в провинцию, смотришь на нас сверху вниз, за словами не следишь, на чужое заришься...

Я приподнял бровь. *Ну вот, кажется, в конце концов подбираемся к сути.*

— А ты ранимый, как я погляжу. И что же это я ваше тронул? — ответил, не в силах сдержать ухмылку.

Чёрт, наскребаю я конкретно.

— А ты борзый... — пробасил Игнат, крепкий короткостриженный парень за его спиной. — Ответить придется...

Потягиваясь, словно у него затекла шея, бугай наклонил голову сначала в одну сторону, потом в другую. Классика подготовки к дворовой драке.

— Ещё бы я понимал, за что отвечать.

Я вытащил правую руку из кармана, якобы поправить рюкзак на плече, на деле же готовясь к тому, что произойдет позже. Кровь гулко стучала в висках.

Сколько секунд до удара? Успею ли я увернуться? Дружки Ткаченко не выглядят слабыми... Как они поступят, когда я врежу этому принцу в ответ?..

— Фадеев, ну ты идешь или нет? — Недовольный голос Риты Звонаревой разорвал сгустившуюся тишину. В первое мгновение я даже не понял, что она обращается ко мне. — Ты что, оглох что ли?

Все вчетвером мы повернулись на голос и удивленно уставились на Риту. Причем я удивился, наверное, больше всех, потому что, насколько помню, никуда идти с ней я не собирался. После совместного похода в библиотеку за учебниками на прошлой неделе мы не сказали друг другу и слова, откуда это «идешь или нет»?

Девушка убрала руки в карманы короткой джинсовой куртки и, кажется, уходит не соби-
ралась.

— Звонарёва, шла бы ты своей дорогой, — Явно раздражаясь, попытался послать ее
Ткаченко.

— Именно этим я и занимаюсь, — отчего-то хмуря брови, ответила Рита. — Только
Фадеева жду...

Что творит эта дуручка?

— Идем?

Ее прямой, решительный взгляд и интонация — не терпящая возражений...

Она, что, пытается меня от мордобоя спасти?

Не удержался и улыбнулся.

Рита нахмурилась еще сильнее, а решительность в ее взгляде сменилась досадой.

— Ну и к чёрту тебя! — почти крикнула и, развернувшись, пошла прочь.

Обиделась? Из-за улыбки?

— Да иду я, Рит, иду... — кивнув офигевшим от такого поворота событий крутышам,
поспешил я за ней.

— Фадеев, твою...! — орал в спину Ткаченко. — Вернулся быстро! Совсем охренел?...

Ага, точно — совсем.

Шагов триста я просто шел сзади, разглядывая Ритину спину и оранжевый рюкзак с брел-
ком в форме облака и тремя значками с изображениями популярной k-рок группы. Порывами
налетал прохладный ветер, задирая край её короткой юбки, трепля светлые волосы и открывая
тонкую шею. Рита шагала быстро, изредка спотыкаясь и поправляя на плече рюкзак.

Дурь, конечно, но я не мог перестать улыбаться.

— Э-й! — догнал ее и осторожно дотронулся до плеча. — Ты супердевушка что ли?
Зачем вмешалась?

Рита отшагнула в сторону:

— Терпеть не могу драки и разборки.

— С чего ты взяла, что мы драться собираемся? — спросил я, разглядывая ее чересчур
серьезное лицо. — Может, мы задачу по физике обсуждали.

Рита вскинула на меня сердитый взгляд. Её глаза были сейчас еще ярче, — словно василь-
ковое поле перед грозой.

— Тогда вернись к этим придуркам и продолжи!

Ну уж нет! В другой раз.

— Спасибо, — глядя ей прямо в глаза, поблагодарил я. — Ты здорово меня выручила!
Сегодня не лучший день, чтобы получить по лицу. Свидание вечером.

Про последнее я соврал. Фиг его знает зачем.

Мне показалось, или ее симпатичное личико на мгновение вытянулось?

— Наслаждайся! — бросила она и снова пошла прочь.

Какого хрена я улыбаюсь как дурак?

Снова догнать рассерженную Риту я не решился. Просто стоял и смотрел ей вслед, пока
маленькая хрупкая фигурка не скрылась за автобусной остановкой.

Внутри возилось какое-то новое чувство. Сколько помню себя, меня впервые кто-то так
бесстрашно пытался спасти. Даже мои бывшие друзья в прежних городах не спешили записы-
ваться в подобные конфликты, а тут эта малявка...

Господи, да меня только что девчонка спасла!

Я хохотнул и пошел домой.

— Вы с матерью оба ни черта не делаете! Сидите у меня на шее, да еще и наглее! — Заставляя дрожать стопки и бокалы в кухонном шкафу, громко возмущался отец. — Дмитрий, что у тебя с учебой?

— Все нормально, пап...

— Нормально? Нормально?! И только? Ты должен учиться, а не по спортзалам ежедневно расхаживать! Ты хоть знаешь, сколько нужно работать, чтобы оплатить все твои хотелки?

Он снова был не в духе, поэтому проходил по больным темам. Тут главное не вякнуть ничего в ответ, иначе этот разговор превратится в многочасовое морализаторство.

— Ты же сам советовал заниматься спортом... — попытался я уговорить его.

— В наше время мы спортом на турниках во дворе занимались или бегали на школьном стадионе. Откуда эта мода на пыльные и душные спортзалы? И какого хрена вход туда столько стоит?

Я замолчал. Сопротивление бесполезно. Это ж отец, и сейчас он не в духе...

Мама, как обычно в таких ситуациях, вела себя тише воды, ниже травы и не реагировала на недовольные и явно провокационные замечания. Она знала и чувствовала отца лучше меня.

Я проглотил ужин со скоростью удава и закрылся в своей комнате.

«Не в курсе, чего Ткаченко на меня взелся?» — набил я сообщение Максиму, параллельно переписывая в тетрадь данные задачи по алгебре.

«Диман, ты же, вроде, умный» — ответил этот придурок, видимо, решив поломаться как девчонка на первом свидании.

«Не душни, Макс...»

«Вся школа — его царство, а Алёна — его бывшая» — правильно понял мое настроение приятель.

Я хмыкнул и откинулся на спинку кресла.

«Знал и молчал».

«Бро, кто я такой, чтобы мешать настоящей любви?»

Стебётся же, паршивец!

«Отдыхай, амур недоделанный!» — напечатал я и снова подвинулся к столу.

Ситуация складывается дерьмовая. Нафига мне проблемы с Ткаченко и его компанией?

Глава 7

Перед первым уроком на лестнице меня поймала Алёна:

— Поговорим? — Губы сжаты в прямую полоску, во взгляде злость.

Тэ-э-э-экс...

Посмотрел на мобильный: до звонка шесть минут.

— Ну, давай.

Мы долго шли в дальнюю часть коридора, видимо, она не хотела, чтобы нас заметили одноклассники. Я же всю дорогу прикидывал, успею ли вечером сгонять в бассейн и порубиться в комп?

— Дим, может объяснишь, что у тебя с Звонарёвой?

Вопрос неожиданный, как и наша остановка напротив кабинета директора.

— В смысле? — Изобразил я непонимание, хотя свести вчерашние события, их знакомство с Ткаченко и ее поведение было просто.

— Куда вы вчера с ней ходили? — Алёна вздернула подбородок и по-деловому сложила руки на груди.

Это что, сцена ревности? Мы всего-то пару раз целовались. Ничего серьезного. Так с какого хрена всё это?

— Домой, — Я прислонился к стене, чтобы не стоять перед Мельниковой как нашкодивший ребенок.

— Домо-о-ой? — её глаза округлились, а губы некрасиво исказились. *Сказать бы ей, чтобы не делала так, но, чувствую, схлопочу тогда...* — К тебе?

Представил реакцию мамы, если бы я домой девушку привел и засмеялся. Алёна просто озверела от моей реакции и долбанула меня по плечу.

— Что за идиотская версия? — поправляя рюкзак, ответил я. — Просто шли вместе в сторону дома. Мы живем по соседству.

Алёна сдулась, но всё еще старалась выглядеть рассерженной:

— И что в этом смешного?

— Ничего. Прости. Ты забавная.

Врать, так врать.

— Так между вами ничего не было? — запуская руку мне под свитер, промурлыкала она.

— А между тобой и Ткаченко? — едва сдерживаясь, чтобы не сложиться пополам от щекотки, ответил вопросом на вопрос.

— Фу, Дима! Нашёл про что спросить! С девятого класса уже ничего нет. А что? Ты тоже ревнуешь?

Вообще по нулям, зато ситуация прояснилась.

Нелепость происходящего зашкаливала.

В завершении дверь напротив открылась, и из кабинеты вышла директриса. Алёна сразу же подобралась и нацепила елейную улыбочку:

— Здравствуйте, Ольга Николаевна!

Женщина в строгом брючном костюме с лицом демоницы молча кивнула и смерив нас внимательным взглядом, пошла дальше.

— Мой тебе совет: ты с этой ненормальной лучше не связывайся! У нее с головой — совсем того.

Я даже не сразу понял: *она о директоре сейчас или..?*

— Я о Звонарёвой.

Над самым ухом противно задребезжал звонок. Алёна прикусила губу и взяла меня за руку:

— Идем в класс, опоздаем.

Урок истории тянулся бесконечно долго. Нудный рассказ престарелого учителя про формирование биполярного мира в середине двадцатого века вгонял в уныние. Рядом со мной без зазрения совести дрых Томилин. Вот кому глубоко начхать на вуз, в который он поступит.

Я размял шею, надеясь хоть как-то взбодриться и тут же наткнулся на многообещающий взгляд Ткаченко.

Да ясно мне, ясно, что разговор не окончен...

— В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году был подписан Варшавский договор. Он закрепил создание военного союза европейских социалистических государств во главе... — бубнил Фёдор Иванович.

Я бросил взгляд на Риту. Подперев ладонью щеку, она что-то рисовала прямо в тетради. Судя по уверенным и размашистым движениям руки — явно не вензеля и не квадратики.

— ... эта острая идеологическая полемика двух ведущих стран мира приносила и в отношения всех прочих стран непримиримые разногласия...

Черт, отчего же так интересно, что она рисует?

— ... Например, до сих пор сохранилось негативное отношение албанцев...

Я выпрямился, пытаюсь заглянуть в ее тетрадь.

Ни черта не видно!

— ... Это была открытая конфронтация, которая не ограничилась только военными интересами, а затронула все сферы — от экономики до культуры и спорта...

Изображая, что внимательно слушаю бубнёж учителя, я подтолкнул свою ручку к краю парты. Свалившись, она прикатилась к ногам Риты.

Йес!

Секунда, — и я присел на корточки, делая вид, что пытаюсь поднять упавшую ручку. Зараза так далеко закатилась, что я невольно плечом коснулся Ритиной коленки.

Девушка дернулась, поправляя юбку и тут же пригвоздила меня возмущенным взглядом.

Я достал наконец-то пропажу и встал, открыто пялясь в Ритину тетрадь, но она закрыла свой рисунок ладонью.

Бли-и-ин, такая операция провалилась!

— Молодой человек, вам есть что сказать? — сменив свой тихий бормочущий голос на зычный баритон, спросил Федор Иванович. Гаркнул так, что весь класс обернулся.

— Эм-м-м, нет. Извините, — я быстро сел на место и уткнулся в учебник, чувствуя себя реальным идиотом.

— На чем я остановился? Ах, да... Но не стоит забывать и о положительных результатах Варшавского объединения...

Боковым зрением я видел, что Рита снова начала рисовать. Взъерошив непослушную челку, я вздохнул. Макс открыл глаза, но правильно оценив ситуацию, снова уснул.

— ... Интенсивное военное сотрудничество стран, подписавших Варшавский договор тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, позволило перевооружить армии всех участников, тем самым...

— Пс-с-с... Пс-с-с...

Я повернулся на едва различимые звуки. Рита подняла тетрадку, показывая мне рисунок. На нем Федор Иванович держал в руках глобус, разломанный на две половины. Выражение его лица было до жути забавным, словно это он сотворил и пребывал от содеянного в шоке. Я не сдержался и хохотнул.

— Дмитрий! Я вижу, вы абсолютно не слушаете меня. Видимо, отлично владеете темой? — Кажется историк был на грани. *И когда успел так завестись?* — К следующему уроку подготовьте-ка нам доклад про формирование биполярного мира после Второй мировой войны!

Раздались смешки. Народ почувствовал халяву и удовольствие от того, что я так глупо попался.

Ну и пофиг!

Я посмотрел на Риту. Она пожала плечами, словно извиняясь. Я бы поверил в искреннее раскаянье, если бы не увидел, что она улыбается.

Впервые я видел, как она улыбается...

Глава 8

Рита

Последние несколько месяцев я предпочитала не вспоминать свою прежнюю жизнь, но сегодня...

Пытаясь заглушить надоедливые мысли, я прибавила музыку на полную. Динамики стареньких наушников едва справлялись с низкими частотами, хрипя и дребезжа, как жестяная банка каждый раз, как вступал бас-гитарист.

Так я еще сильнее заведусь!

Чувствуя, как нарастает раздражение, я сдернула наушники и только сейчас услышала, что меня зовет бабушка. Судя по недовольным и даже сердитым интонациям — звала она меня уже давно. И как Мирослава жила раньше одна? Каждый день, стоило переступить порог дома, как поручения, замечания и задания сыпались на меня как из рога изобилия.

На этот раз бабушка взялась на ночь глядя варить суп и выяснила, что у нас снова закончились продукты.

— Овощная смесь замороженная, картофель, килограмма два, морковь, четыре штуки, филе курицы, только без этой жуткой жирной кожи, пучок петрушки... — методично диктовала она, не дожидаясь, пока я запишу этот бесконечный список с кучей нюансов. — И, Рита, прошу, поскорее!

На улице моросил неприятный осенний дождь. Чувствуя себя Золушкой из нелепой провинциальной сказки, я натянула на голову широкий капюшон любимой черной толстовки и двинулась к круглосуточному магазину.

Я бы хотела просто сердиться на бабушку за ее спонтанные поручения, но сильнее этой злости были изматывающие мысли, последние несколько часов пульсирующей болью мучающие моё сердце.

По дороге со школы я встретила Ксюшу. Не понимаю, что она делала в этом районе, но учитывая размеры города — нужно ли удивляться, что наши пути пересеклись? Это произошло бы рано или поздно. Нам и так удавалось избегать встречи почти три месяца.

Лишь увидев такую знакомую, идеально сидящую на ней форму в стиле сериала «Закрытая школа» (которую Ксюша обожала и считала своей визитной карточкой), внутри всё до боли сжалось и замерло. За время, пока мы не виделись, она совсем не изменилась: высокая, стройная, длинноволосая, красивая как Никки Рид.

Ксюша удивленно распахнула глаза и тихо охнула:

— Р-р-ита, ты? Ты, и правда, не уехала...

К сожалению, нет. Но не я приняла это решение...

Я нахмурилась и, уткнувшись взглядом себе под ноги, двинулась дальше. Нам не о чем было говорить, а изображать радость от встречи я не собиралась.

— Ты в своем репертуаре! Ведешь себя как ребенок! — кинула она мне в спину. Голос близкой когда-то подруги прозвучал остро. Уколол так, что в груди заныло.

— Ч-ч-что? — я развернулась, до судорог сжимая кулаки. — Веду себя как ребенок? Ты серьезно?

— Серьезно, Рит. — Ксюша смотрела на меня сверху вниз (а я и не замечала раньше, что у нас такая разница в росте) и вела себя примерно так же — будто я несмышленная девочка, а она выдавая виды тётя. — Раз ты всё-таки осмелела до такой степени, что осталась в городе, не думаешь, что нам стоит оговорить правила сосуществования?

Нет, я не ошиблась тогда, в кабинете директора моей бывшей школы, — моя подруга была лицемеркой, каких свет не видывал. А как отлично скрывала это четыре года!

— Зачем ты здесь? — игнорируя ее идиотское и неискреннее предложение, спросила я.

— Ну, слушай, не одна ты имеешь право ходить по этой улице! — знакомо убирая прямые светлые волосы за уши, ответила она. — У меня здесь дела.

Она не скажет. И я так и останусь в неведении: правда ли Ксюша оказалась здесь по делам или просто хотела полюбоваться, как я продолжаю жить после произошедшего.

Хреново я продолжаю жить!

Как же больно было даже смотреть на нее.

— Не буду мешать, — бросила я и, резко развернувшись, пошла в сторону дома. Заходя в подъезд, я всё еще чувствовала на себе ее взгляд и долго потом не могла унять дрожь в теле.

Интересно, такое вообще забывается когда-нибудь?

Прогоняя воспоминания, я сделала глубокий вдох через нос и, задержав ненадолго дыхание, медленно выдохнула через рот, пытаясь сосредоточиться на списке покупок. В магазине почти никого не было, я прошла вдоль витрин, набирая в тележку продукты, заказанные бабушкой и, уложив их в большой пакет, поспешила домой.

Дождь усилился, глухо хлопая по еще оставшимся на деревьях, намокшим листьям. Пакет неприятно бил по ноге при каждом шаге.

— Привет...

Я споткнулась и едва удержала равновесие. Земля уходила из-под ног... Наверное, я слишком впечатлилась встречей с Ксюшей, вот и показалось...

— Рит, это я.

Я обернулась слишком быстро. Выдала себя с потрохами.

Какая же дуручка!

Мне не показалось. Передо мной под большим черным зонтом стоял Рома. Высокий. Широкоплечий. По-прежнему красивый. Такой же идеальный, как и Ксюша. Как бы меня это не бесило, но эти двое подходили друг другу как инь и янь.

Чего уж...

До боли закусив губу и пряча за спину дурацкий пакет с покупками, я натянула капюшон поглубже в тупой надежде скрыть намокшие волосы и следы от размазавшейся туши.

— Поговорим? — тихо спросил он. Его глаза, красивого шоколадно-карего цвета смотрели безразлично, словно мы были совсем не знакомы. Это было большее лицемерия и злости Ксюши. Я ожидала чего угодно от нашей с ним встречи, но только не этого...

Капец как больно!

Ненавидя себя за то, что он мне по-прежнему нравится, я переложила тяжелый пакет с продуктами в другую руку и кивнула.

— Я знаю, что сегодня ты встречалась с Ксюшей.

Ах, вот о чем будет разговор...

Я подняла на него взгляд, но не выдержав очередной волны безразличия, уставилась на свои промокшие кеды.

— Рита, ты могла бы отпустить нас? После... тех событий... Не думаю, что тебе стоит оставаться в городе!

Последние слова Рома произнес жестко, безапелляционно, словно он бог, который решает кто и где сейчас должен находиться.

— Ч-ч-то? — прошептала я.

Ну и чего я заладила с ними обоими: «что» да «что»? Веду себя так, словно я в чем-то виновата!

— Я думал, что мы всё решили еще в июне, но ты продолжаешь портить Ксюше жизнь. Так на тебя не похоже... — он усмехнулся, а у меня в животе заныло от досады и обиды! — Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Нелепость происходящего, путаная, полная каких-то намеков и недомолвок речь Ромы оглушали, мешая сообразить, что на самом деле происходит.

Я влюбилась в Рому в тот самый день, как нас посадили за одну парту десять лет назад. Первый класс, первая любовь... Я так залипла на него, что и не заметила, как мы оба из угловатых маленьких детей превратились в парня и девушку. Мы просто всегда были вместе: вместе ходили в библиотеку, вместе занимались в кружке по рисованию, вместе готовили проекты. В седьмом в наш класс пришла Ксюша. Мы быстро сдружились и первое, о чем я рассказала ей — это о своих чувствах к Роме. Да что там было рассказывать? Великая тайна! Все и так уже знали, что мы с ним как попугаи-неразлучники — всегда вместе. Когда мы учились в десятом, в новогоднюю ночь Рома признался, что я ему нравлюсь. Тогда же мы в первый раз поцеловались. А через пять месяцев он бросил меня, сказав, что любит Ксюшу.

— Ритка! Чего ты еще от меня хочешь?!

Ромин почти крик привел меня в себя.

Чего я хочу? Хочу, чтобы наша жизнь оставалась прежней, не треснув прошлой весной, как шоколадная плитка, хочу, чтобы я по-прежнему нравилась тебе, чтобы ты провожал меня домой под своим зонтом и таскал мой рюкзак, чтобы смотрел на меня с теплом и любовью, а не так, безразлично...

— Ничего, — бросила я и, обогнув его, пошла к дому.

Рома хотел схватить меня за руку, но промахнулся и зацепил пакет. Продукты высыпались на мокрый асфальт, жалостливо прижимаясь друг к другу.

Черт!!!

— Рита! Я еще раз спрашиваю тебя...

— Ничего! — крикнула я, чувствуя, как предательски защипало глаза. — Просто исчезни! Навсегда!

Я присела, пряча за капюшоном выступившие слезы. Неужели наша встреча может быть еще более унижительной? Пакет порвался пополам, теперь придется тащить испачканные и мокрые продукты в руках.

— Твои родители уехали в Питер, почему ты осталась? — возвышаясь надо мной, спросил Рома. — Новый город, новая жизнь...

— Это не твое дело, — сердито смахивая слезы, огрызнулась я.

— Допустим, но... — Он вздохнул. — Я хочу тебя предупредить, если ты станешь распускать про Ксюшу какие-то слухи, то я...

— ... То ты ничего не сделаешь. И сейчас исчезнешь отсюда как утренний туман.

Громкий и твердый голос прервал идиотскую Ромину угрозу. Я подняла голову и уперлась взглядом в Фадеева. Серый спортивный костюм и большая сумка через плечо, — наверное, возвращается с тренировки.

— Я что-то не понял, это вы мне? — поворачиваясь к парню, который не уступал ему по росту и широкоплечести, спросил Рома. Эта его устаревшая привычка говорить со всеми незнакомцами на «вы» сейчас бесила до одури.

— М-м-м, — уверенно кивнув, промычал Фадеев.

— Кто вы такой, чтобы...

— Да какая тебе разница, если траектория движения уже визуализирована?

Не уверена, что видела когда-то Рому настолько растерянным. Он был не конфликтный парень и к подобным диалогам явно не привык.

— Рита, ты знаешь, кто это? — отворачиваясь от Фадеева, спросил он.

— Знаю, — выдохнула я и встала. — Иди домой.

В Ромином взгляде промелькнуло сначала удивление, а потом какая-то догадка. Он ухмыльнулся:

— Кто бы мог подумать! Рита, Рита... А меня ведь совесть мучила!

— Слушай, иди уже отсюда, — делая шаг в нашу сторону, перебил его Фадеев. — Ты один тут под зонтом прохлаждаешься.

Я только сейчас заметила, что капюшон и плечи Диминой толстовки насквозь промокли.

Рома медленно посмотрел на него, потом на меня:

— Я надеюсь, мы поняли друг друга...

— Я тоже надеюсь, что ты понял меня, — приближаясь еще на шаг, в очередной раз не дал ему договорить Фадеев.

Рома многозначительно хмыкнул и пошел в сторону автобусной остановки.

Глава 9

Дима

Рита не сводила с меня глаз. В намокшей толстовке и с заплаканными глазами она выглядела как тот самый зайка, которого бросила злюка-хозяйка. Под лопаткой кольнуло. *И что только ее с тем мажором, похожим на принца Гарри, связывает?* Судя по услышанному отрывку разговора, они неплохо друг друга знают...

— Бывший? — кивая в сторону свалившего куда его и отправляли парня, похожего на чопорного принца Гарри, спросил я. Спросил наобум, но по тому, как задрожали ее ресницы, понял, — попал в точку. Что-то внутри завозилось. Провел рукой по мокрым волосам: — Вкус у тебя, конечно...

Рита нахмурилась:

— У тебя тоже так себе!

Да уж. Эта девчонка за словом в карман не полезет.

Я фыркнул и присел, чтобы собрать разбросанные на земле продукты.

Разделив их пополам, мы молча пошли в сторону её дома. Неловкость нарастала.

Дебильная ситуация, конечно.

Кажется, я влез в чужие дела, которые меня вообще не касались, да к тому же усугубил ситуацию явным недопониманием, но... как увидел, что этот хмырь наезжает на Риту, впервые появилось желание ударить кого-то первым. *Просто она сегодня какая-то... Беззащитная, что ли? Слабых ведь надо защищать, разве нет?*

— Спасибо, — не глядя мне в глаза, сказала Рита, когда мы остановились у ее подъезда.

— Помочь донести до квартиры? — уточнил я.

— Что ты! Нет, нет! — чуть ли не испуганно замотала она головой.

— Тогда держи, любительница по ночам в магазины ходить. — Я передал ей свою часть продуктов и спрятал руки в карманы.

Рита почему-то не уходила, смотрела на меня своим фирменным бирюзовым взглядом — поджимая губы и хмурия брови. Мне нравилось наблюдать, как меняется выражение ее лица, пока она собирается с мыслями.

— Ты же не скажешь в школе никому?

Приехали... Я что, похож на трепло?

— Нет, конечно. Расслабься.

— С-с-пасибо еще раз... — она кивнула. — Пока.

Я смотрел ей вслед и не мог понять, как угораздило эту беззащитную малышку связаться с таким придурком, как принц Гарри?

Следующий день в школе изменил почти всех моих одноклассников до неузнаваемости. На уроке литературы Мария Вячеславовна сообщила, что на субботу запланирована поездка в Москву на «Бесприданницу». В общем-то ясно, что большинство интересовало совсем не бессмертное произведение классика, а дорога и возможность побывать в столице. Ехать нужно было на электричке, а значит, наклевывалось приключение.

— Для оформления приказа по школе, завтра жду письменные согласия от родителей, — сообщила Мария Вячеславовна в конце урока. — Отказ от поездки строго по уважительной причине! Не отлыниваем!

— Поедешь? — качаясь на стуле и рискуя завалиться на спину, спросил Макс.

Я кивнул. Чем торчать в своей комнате, готовясь к маячащим где-то еще за горизонтом ЕГЭ, лучше съездить в Москву. Какой-никакой, а движ.

— По Островскому сохнешь?

— Ага, зафанател от Ларисы Огудаловой.

— Удачи, бро. А я не смогу. У отца юбилей. Ресторан, гости, все дела. — Видно было, что Макс фиолетово — едет он или нет. — Привези мне магнитик с Кремлем.

— Губу-то закатай. Мы не в тех отношениях, чтобы я тебе подарки из столицы возил!

Макс захохотал и, видимо, потеряв бдительность, с диким грохотом свалился со стула.

Я поморщился, но не обернулся, зомбируя экран смартфона. В «Counter-Strike» как раз шло формирование команды.

— Вау, Марго. Вовремя ты тут... — послышался откуда-то из-под парты неунывающий голос Томилина. Я вынырнул из телефона, сразу же обнаружив, что все присутствующие в классе смотрят куда-то за меня: кто с интересом, а кто с явной издевкой. Медленно повернулся, обнаружив за спиной замершую Риту и валявшегося на полу Макса, бесцеремонно заглядывающего ей под юбку.

— Придурок, — прошептала она, срываясь с места и выбегая из класса.

Народ загудел, кто-то даже присвистнул.

— Да ладно тебе, я никому не расскажу, какого цвета у тебя бельё! — вякнул мой сосед по парте и тут же получил удар по ребрам. Я и сам не понял в какой момент моя нога дернулась.

— Дама-а-а-ан... Собака ты-ы-ы... — застонал Томилин, корчась на полу. — Твою же мать...

Не, ну парень явно наскребает...

Я бросил на него предупреждающий взгляд. Этого хватило, чтобы представление прекратилось, но свое недовольство он показывал до конца учебного дня. Да и пофиг. Настроение у меня и так было ни к черту. Родители ругались вчера до половины второго. Орали так, что даже соседи не выдержали — постучали по батарее. А между тем до возможности свалить от них в самостоятельную жизнь осталось еще восемь месяцев.

Губы Алёны были чересчур назойливыми. Поцелуи утомили. Я не мог понять, зачем продолжаю делать это.

Музыка гремела, отдаваясь внутри пустотой и скукой. Диван, на котором мы сидели, вонял табаком и затхлостью. Как и весь этот ночной клуб.

К чёрту...

Я прервал поцелуй и откинул голову на спинку. Алена, сидящая у меня на коленях, изобразила разочарование на обильно накрашенном лице, но не перестала ласкать мою шею своими длинными ногтями.

— Дим, всё хорошо? — склоняясь к моему уху, спросила она.

— Угу.

Я прикрыл глаза, абстрагируясь от происходящего. Надо бы валить домой, завтра с утра я пообещал маме съездить с ней в магазин, а в час дня мы с классом и нашей литераторшей встречаемся на вокзале.

— Ты какой-то странный в последние дни. — Я не видел, но почему-то знал, что Алёна снова дует губы.

Интересно, ей реально кажется, что все эти неестественные ужимки красят ее?

— Ди-и-им! — Она потрясла меня за плечи, пришлось открыть глаза.

— Я устал. Идем домой?

— Фу, Фадеев! Ну что за тоска? Сегодня пятница, давай оторвемся! Может, ко мне? Родители часов до трех будут на празднике у друзей... — Она прикусила губу, скверно изображая Анастейшу Стил.

Я смотрел на Алёну, думая, что косметика, софиты и сумрак ночного клуба делают ее гораздо старше, чем она есть. Её очевидные намеки я прекрасно понимал, вот только внутри было тихо. Не втыкало её предложение. Вообще. По нулям.

— Давай в другой раз? — касаясь ее щеки, предложил миролюбиво.

Девушка вскочила, одарив меня сердитым и явно раздраженным взглядом. Кажется, я открыл ящик Пандоры.

— Ты вообще уверен, что хочешь быть со мной?

Я не был уверен. А если так дело пойдет, то, скорее, уверюсь в обратном.

— Блин, Фадеев! Да что с тобой происходит? Думаешь, заполучил меня, поиграл — и можешь теперь ноги об меня вытирать?!

Ничего подобного я не думал, но Алёну было уже не остановить.

— Да пошел ты! — крикнула она и сердито виляя бедрами вышла на улицу.

Я снова прикрыл глаза. Низкие частоты заставляли всё тело вибрировать. На какой-то миг мне показалось, что я растворился в ней, став монотонной волной звука, закольцевавшейся в дурацком треке.

Глава 10

В Москве температура воздуха была градусов на пять-десять выше. Но оценить прелесть столицы и насладиться теплым осенним днем не получилось. Сначала мы толкались в метро, потом перед входом в театр, потом в гардеробе, а потом всё то же самое, только в обратном порядке.

На удивление спектакль меня не сильно утомил, зато Игната затемненная обстановка зрительного зала так успокоила, что в итоге он отличился: в ключевой момент всхрипнул так громко, что половина зала чуть было не сползла под стулья от хохота.

Когда мы сели в нашу электричку, уже было темно. Мы заскочили в вагон за пару минут до отправления, к этому времени свободных мест почти не осталось. Одноклассники рассаживались сложившимися компашками. Алёна с подружками умудрилась занять места у окна в середине вагона. Смерив меня многозначительным взглядом, девушка отвернулась. После вчерашнего она игнорировала меня, всем своим видом показывая, что обижена. Я прошел мимо, ища, где притулиться. С громким хохотом, подвинув скромную женщину, впереди на козырных местах расположилась компашка Ткаченко. Он нагло выставил ноги в проход, заставляя остальных перешагивать, а невнимательных и спотыкаться.

— Звонарёва, не уходи далеко, садись к нам, присмотрим за тобой, а то кто-нибудь тебя на темной станции вынесет на платформу и не заметит! — вякнул Богдан, и мажорчики заржали, наслаждаясь идиотским остроумием своего недалекого друга.

Рита прошла мимо, даже не обернувшись.

— Ребята, пожалуйста, не пересаживайтесь и не переходите в другие вагоны! — громко объявила Мария Вячеславовна. — Я с Элиной и Олей сяду в дальнем конце. Если что-то случится...

— Да не переживайте вы, ничего не случится! — изображая из себя главного, ответил за всех Ткаченко.

— Отлично! Рассчитываю на вас! — Учительница еще раз пробежалась по нам взглядом, пересчитывая, потом кивнула и ушла на своё место.

Все кое-как расселись, только мы с Ритой остались стоять у дверей тамбура. Мест в вагоне больше не было, а ехать предстояло около трех часов.

Перспектива тухляк.

Она прислонилась к стене и прикрыла глаза.

— Звонарёва-а-а! — позвал ее Ткаченко. — Если чё, то наше предложение в силе.

Рита не пошевелилась, только плотнее сжала губы, отчего на щеках появились маленькие ямочки.

— Кирилл, ты уверен, что не пострадаешь после таких предложений? Это же Рита Звонарёва, — с нескрываемым ехидством поинтересовалась Алёна. Она не сводила с меня глаз, будто говорила это мне, а не Ткаченко.

Из динамика раздался трескучий, едва различимый голос машиниста, зачитывающего обязательный текст для пассажиров.

Полная старушка, разложившаяся на крайнем к выходу сиденье, вдруг подорвалась и, схватив объемную клетчатую сумку, выскочила на перрон.

Я дотронулся до Ритиного плеча, и она открыла глаза.

— Садись.

Девушка села, придвинувшись в плотную к окну, освобождая почти всё сиденье для меня. Я улыбнулся и опустился рядом, почувствовав, как она вздрогнула, когда я задел ее колено своим. Взгляд сам собой упал на ее ноги, едва прикрытые короткой юбкой и такой же длинны пальто. Рита будто почувствовала: заерзала и положила на колени сумку.

— Оу-оу-оу! Что мы видим? — на этот раз подал голос Игнат. — Алёнка, вы никак с Фадеевым расстались? Еще вчера в клубе обжимались, а сегодня, гля, он уже другую обхаживает!

Я шумно выдохнул, прикидывая, насколько хватит моего терпения слушать этих недоумков.

— Отвали, Боровиков, — огрызнулась девушка. — Не знаешь ничего, не вякай!

Я не поворачивался, но чувствовал, как она прожигает мою спину сердитым взглядом. Мне по-прежнему было плевать.

— Дмитрий, видимо, любитель ощущений поострее, — не унимался дружок Ткаченко. — Смотри, Фадеев, замутишь со Звонарёвой, не смей изменять ей, иначе ответочкой подавишься.

Парни гаденько засмеялись, а я повернулся к Рите. Её щеки пылали. Она нервно кусала нижнюю губу и до белизны сжимала кулаки.

Ткаченко, Алёна, да и все одноклассники знали о Рите то, чего я не знал. Но что-то подсказывало, что тот пижон под зонтом имеет ко всему этому прямое отношение.

— Алён, я на твоём месте ходил бы и оглядывался! — добавил Ткаченко, вызывая очередную приступ смеха. — Ты не смотри, что Звонарёва полтора метра ростом! Забыла, как она девушку своего бывшего с лестницы спустила так, что та несколько месяцев в больнице с переломами лежала?

По вагону пробежался сдавленный смех.

По Ритиной щеке скатилась слеза, потом еще. Она ниже наклонила голову, сильнее вцепившись в сумку.

Внутри полоснуло. Невозможно было слушать этих придурков, явно пытавшихся задеть ее за живое, еще тяжелее было видеть ее страдания. Я резко встал, и крепко взяв Риту за руку, вывел из вагона. Она не упиралась, просто шла следом, сжимая мою ладонь.

Одноклассники что-то закричали нам, но мы не остановились, пока не прошли несколько вагонов. Как назло, мест больше нигде не было, пришлось остановиться в холодном тамбуре.

Я нехотя выпустил Ритину руку. Она прислонилась к стене, пряча от меня взгляд:

— Спасибо.

— Не за что, — я встал рядом, закрывая от компании нетрезвых парней, которые пили пиво и исподтишка разглядывали ее.

За окнами медленно проплывали столичные высотки и суежились, сливаясь в причудливые узоры, сотни машин на автострадах. Город жил свою обычную жизнь, а я впервые в жизни изнемогал от невозможности сделать хоть что-то.

Уже несколько минут я в упор смотрел на Риту. Она больше не плакала, но по-прежнему прятала взгляд, делая вид, что разглядывает свои ботинки. В тамбуре было холодно, и обычно едва заметный шрам на её верхней губе проявился яркой белой черточкой. Я совсем не знал эту девушку, но единственное место, где бы я выбрал находиться сейчас — это здесь, рядом с ней.

— Зря ты это сделал. — Она наконец-то посмотрела мне в глаза, и я почувствовал, как по всему телу растекается тепло.

— Почему зря?

— Потому что почти все одноклассники знают причину, по которой я поменяла школу перед самым выпуском.

— Я её не знаю.

Рита нахмурилась и замолчала. Поезд остановился и двери с противным скрипом открылись, обдавая нас промозглым осенним воздухом.

— Из-за меня одна девушка действительно упала с лестницы, — сказала она, когда двери закрылись, и электричка снова тронулась. — Но я не толкала ее, мы просто разговаривали, и она оступилась... И... перелом был один. Несложный... И я не понимаю почему, но... Ксюша почему-то сказала, что во всем виновата я. Такая шумиха поднялась... — Рита замолчала,

кусая губы. — В итоге меня попросили забрать документы из школы. Блин, зачем я тебе всё это рассказываю? — она нахмурилась и отвернулась. — Звучит жалко.

— Нормально звучит. Более правдоподобно, чем версия этих недоумков.

— А мне никто не поверил. Ни учителя, не ребята из класса, ни Рома... А ведь он знает меня десять лет. Да что там... Кажется, даже родители сомневались.

Я втянул холодный воздух:

— Тогда я поверю тебе за всех сразу.

Она внимательно посмотрела на меня. Сердце зашлось от этого её взгляда!

Чер-р-р-р-р...

Он пробирался куда-то внутрь меня, царапая душу болью и тоской огромных бирюзовых глаз!

— Зачем ты всё это делаешь? — вдруг спросила Рита. — Зачем помогаешь мне?

— Из солидарности, — сморозил я самую тупую глупость. — Потому что мне часто приходилось переезжать и быть новеньким. И, знаешь, как человек на опыте, скажу: уже невозможно смотреть, как ты лажаешь постоянно!

Рита фыркнула и улыбнулась. Едва заметно, краешками губ. Но мне снова стало хорошо и спокойно.

— Твой бывший из-за этой истории приходил?

— Ага. Рома пытается защитить свою девушку.

— М-м-м... — Покачал я головой. — Герой.

— А я, по его мнению, мстительная злодейка, которая распускает сплетни.

— Серьезно? Тебе должно быть стыдно.

Я шутил, но Рите, видимо, было не до шуток.

— Вообще Рома неплохой человек... — начала она, но осеклась, наткнувшись на мой взгляд. И правильно, что замолчала. За несколько минут знакомства у меня сложилось совершенно однозначное мнение об этом пижоне, вот только Рита, кажется, думала совершенно иначе, и это, с какой-то стати, триггерило меня.

— Рома и Ксюша были моими самыми близкими людьми. Я и не поняла, когда стала лишней в нашей компании и как превратилась в злодейку. Но по любому выходит, что я лузер, так что...

Рита замолчала, снова пряча взгляд.

— «Так что» что?

— Так что вернись к ребятам, пока не поздно.

Я хмыкнул. И как это у нее так ловко получается выкручивать смыслы наизнанку?

— Не охота. Душно там у них.

Двери снова открылись, пассажиры, шумя и подталкивая друг друга ввалились в тамбур. Пришлось почти прижаться к Рите, чтобы пропустить всех желающих войти.

Она оказалась так близко, что я почувствовал легкий запах ягодных карамелек. Пара мгновений, и он заполнил всё вокруг. Аж голова закружилась.

Я сделал глубокий вдох и задержал дыхание. В груди, на ускоренных оборотах, сердце качало кровь.

— Ну и зря, — её нереально огромные глаза и губы были всего в нескольких сантиметрах. Я сглотнул. — Теперь Ткаченко со своими друзьями точно побьют тебя.

— Переживаешь? — спросил я, замечая хрипотцу в своем голосе.

— Конечно, переживаю, — ответила она тихо и отвернулась к окну.

Глава 11

Рита

После урока алгебры Ирина Викторовна подозвала меня и, тяжело вздохнув, положила передо мной журнал. Напротив моей фамилии красовались две тройки и два «неуда». Красота, ничего не скажешь.

— Маргарита... С этим что-то нужно делать... Если так и дальше дело пойдет, то мне придется поставить тебе двойку за первую четверть! Выпускной класс. ЕГЭ на носу...

Я опустила голову. Бессилие липкой волной накрыло меня. Мне и так надоело чувствовать себя вечной слабачкой, неспособной никому дать отпор, а теперь ко всему этому прибавилось и унижительное клеймо отстающей ученицы.

— Ну что ты молчишь? Планируешь исправлять оценки? — повысила она голос, сделав моё и так не самое приятное положение достоянием одноклассников, не успевших выйти из кабинета.

Я нахмурилась, до боли прикусив дрогнувшую губу.

Сказать, что планирую? Что за глупость!

Как я могу быть уверена, что подтяну успеваемость по алгебре, когда совершенно ничего не понимаю в ней?

— Ой, Ирин Викторовна-а, Маргарите не до алгебры и тригонометрических уравнений, у нее одни мальчики на уме! — выходя из класса съязвила Алёна.

Вот же змея!

— А, кстати! Что это вы вчера с Фадеевым во время выездной экскурсии устроили? — поинтересовалась классная.

— Н-ничего, — промямлила я.

И кто уже ей донес, что мы с Димой ехали обратно в другом вагоне? С Марией Вячеславовной мы еще вчера поговорили, она нас простила. Неужели Мельникова?

— Ничего-о-о? Вы нарушили просьбу учителя, а она, между прочим, несла за вас ответственность!

— В вагоне, где ехали остальные ребята, мест не было, вот мы и перешли в соседний, чтобы три часа не стоять. Мария Вячеславовна была в курсе. — От неожиданности я вздрогнула и повернула голову. Рядом стоял Дима в своей обычной расслабленной позе — руки убраны в карманы брюк, голова наклонена чуть набок, длинная челка открывает высокий лоб и темные, густые брови.

Запах его туалетной воды флешбэком вернул меня в тамбур электрички, ровно в тот самый момент, когда он придвинулся ко мне, пропуская пассажиров. Как и вчера, по всему телу пробежали мурашки. Я зажмурилась.

— Защитник явился... — хмыкнула Ирина Викторовна, окинув его с головы до ног многозначительным взглядом. — Ладно, иди, Маргарита, и подумай о своей успеваемости, иначе ни Фадеев, ни даже авторитет твоей бабушки тебя не спасут... — последнее предложение она произнесла с особым нажимом.

И нафига она при Фадееве про бабушку ляпнула?!

Я резко развернулась и быстрым шагом вышла из класса.

Да уж, ситуация складывалась прескверная. Если Ирина Викторовна упомянула бабушку, значит, Мирослава уже справлялась о моей успеваемости. А раз так — разговора вечером мне не избежать. Я вздохнула.

Лучшая защита — это нападение. И хотя я мало чего могла противопоставить авторитету бабушки, я всё-таки закрылась в кабинке туалета и написала маме. Рассказала всё, как есть.

«Тяжко, да?» — сообщение прилетело почти сразу.

«Да нет... Но ты же знаешь, я не сильна в математике».

«Найти тебе репетитора?»

«Наверное, стоит. Только давай после каникул?», — я снова вздохнула. Перспектива торчать на дополнительных занятиях не радовала, но завалить ЕГЭ — было бы еще досаднее.

«Договорились. Постарайся, ладно, милая? Бабушке я позвоню».

Я прижала телефон к груди. Сейчас особенно остро чувствовалось, как не хватает мамы и папы. Это только пока мы жили вместе, мне постоянно хотелось делать все самой и не зависеть от родительского решения. А как они уехали далеко, так сразу и расхотелось.

Я вернулась в класс перед самым звонком. Ребята толпились в центре аудитории, что-то оживленно обсуждая.

— А-а-а! Марго-о! — заорал Томилин так громко, что я аж поперхнулась водой, неосмотрительно сделав глоток перед тем, как перешагнуть порог. — Давай *ты* стенгазетой ко дню рождения школы займешься?

На меня смотрели все.

— Что еще за стенгазета? Мы в детском саду, что ли? — не веря в то, что мои новые одноклассники не разводят меня как дурочку, буркнула я.

— Каждый год в октябре наша школа отмечает день рождения, и все классы готовят поздравительные стенгазеты, — с нажимом на «наша» сообщила Элина. — Это традиция такая.

— Ага, а старшеклассники еще и концерт организовывают, — добавила Канарейкина.

— Ей-то откуда знать? — противенько улыбаясь, заметила Алёна. — Она же не здешняя.

Я отзеркалила ее мерзкую улыбочку и села за свою парту.

— Народ, давайте уже чего-нибудь решим, — подал голос Ткаченко. Судя по раздраженной интонации, ему порядком надоело незапланированное собрание.

— Раз ты такой нервный, ты и рисуй! — огрызнулась Алёна. Она сегодня явно пребывала не в духе.

— Ага, я нарисую... — заржал он. — Я только х.. на заборе нарисовать могу!

К его ржанию присоединились Игнат и Богдан.

— По справедливости, — поправляя очки, снова начала Элина, — газету должны новенькие рисовать. Мы и так каждый год отдувались.

— Согласна! — зачем-то подняв руку, будто ее кто голосовать попросил, крикнула подпевала Мельниковой Анджелина.

— Рит, давай всё-таки ты! — неугомонный Томилин уселся верхом на стул передо мной и мучил меня идиотским умоляющим взглядом.

Дурак...

— Почему я? Вы с Фадеевым тоже новенькие.

Только сейчас я заметила, что Димы в классе нет.

— Ты прикольно рисуешь, — не унимался Томилин. — Я видел, как ты Диману карикатуру на историка показывала.

— Это не карикатура, а шарж, — зачем-то пояснила я и отвернулась к окну, всем своим видом показывая Максу, что разговор окончен.

— Да ладно тебе, Звонарёва, ломаться, — разговорила вдруг Анджелина, — какая-никакая возможность выслужиться перед классной. Сейчас-то ты не на самом лучшем счету.

Возразить мне крашеной подружке Алёны было нечего. К тому же какая-то логика в том, что она говорит, присутствовала. Вот только... Что рисовать?

— Я могу помочь с текстами и идеей, — подала голос с дальней парты Катя Синицина. — Сестра учится в пед, стащу у нее что-нибудь.

Я посмотрела на Катю.

Она серьезно?

Девушка спокойно смотрела на меня. Кажется, серьезно. За прошедшие недели я за ней ничего плохого не замечала — крепкая хорошистка, спокойная и во всякие коалиции не ввязывается. Может, стоит согласиться?

Задремал звонок.

— Ладно, попробую, — буркнула я и открыла учебник по английскому, делая вид, что повторяю домашку.

— Спасибо, Марго! С меня конфетка, — зазубоскалил Макс, пересаживаясь за свою парту.

— Конфетка... Мы сегодня дежури́м, не забыл? — кинула ему в спину.

— Да, да, да... — скроля ленту соцсетей в смартфоне пробормотал он.

— Hello, guys. Today's lesson topic is Characterization of a Literary Character. But first, let's check your homework (1)... — прямо с порога затараторила учительница. Ребята начали рассаживаться по своим местам, шаркая обувью и шелестя страницами учебников.

Я посмотрела на пустой Димин стул.

Странно. Он впервые опаздывает на урок.

На улице снова начался дождь, только на этот раз вперемешку с липким, мокрым снегом. Снежинки прилипали к стеклу и медленно сползали вниз, оставляя витиеватые дорожки, похожие на слезы.

Неужели осень уже становится зимой? Ведь еще октябрь...

— Do you agree that Onegin is an indifferent and arrogant young man? (2)

— Yes, (3) — рассыпались по классу недружные ответы одноклассников.

— Good. And is Tatiana Larina hypocritical and deceitful? (4)

— No, (5) — безынициативно реагировали ребята.

Я в который уже раз посмотрела на Димино место.

Фадеев просто задерживается, или что-то случилось?

Я замерла, поймав себя на мысли, что мне не все равно. Более того — я... переживаю.

Какого фига?

Я помотала головой и уткнулась в учебник.

— Which of the two do you prefer: Tatiana or Olga? (6) —

— Of course Olga! (7) — выкрикнул Макс, и класс засмеялся.

— It's nice to hear, Maxim, that you like lively and energetic girls...(8)

Дождь так усилился, что за окном стало почти ничего не видно. Только серая, мутная, холодная хмарь.

1 Привет, ребята. Тема сегодняшнего урока — «Характеристика литературного персонажа». Но сначала давайте проверим ваше домашнее задание.

2 Согласны ли вы, что Онегин — равнодушный и высокомерный молодой человек?

3 Да.

4 Хорошо. А Татьяна Ларина — лицемерная и лживая?

5 Нет.

6 Кто из них вам больше нравится: Татьяна или Ольга?

7 Конечно, Ольга!

8 Приятно слышать, Максим, что тебе нравятся жизнерадостные и энергичные девушки.

Глава 12

Дима

«Диман, ты куда пропал?» — Очередное сообщение от Макса провибрировало в кармане брюк, вызывая раздражение. Он забрасывал меня сообщениями последние пару часов. Надо бы ответить, чтобы он перестал кипишить, но сил и желания не было.

Минут через пять Томилин не выдержал и набрал:

— Эй, Дим, какого хрена отмалчиваешься? Случилось что? Викторовна твоим предкам звонить собирается. — Чтобы я его услышал, Максусу приходилось почти кричать, в надежде переорать голоса и визги учеников.

Он еще в школе?

Я посмотрел на часы — половина четвертого. За окном шел то ли снег, то ли дождь, казалось уже поздний вечер.

— Всё норм, — голос звучал глухо. — Дома дела появились...

— Ну, ясно. Так бы сразу и сказал. Передам тогда классухе, что ты по семейным, да?

— М-м-м, — согласно промычал я. — Пока.

— Давай. До завтра.

Нажав отбой, я в который уже раз посмотрел в окно. На парковке огромный джип всё никак не мог втиснуться между белым мерседесом и красной тойотой. Я завис, наблюдая за его потугами, которые закончились тем, что он врезался в черную киа.

Два часа назад нам с мамой сообщили, что у отца случился обширный инфаркт. Его забрали на скорой прямо с работы. Сейчас он лежал в палате интенсивной терапии, а мама разговаривала с лечащим врачом.

Спеша куда-то, мимо пробежала медсестра, и меня передернуло от холода. Только сейчас я почувствовал, что свитер и рубашка под ним промокли насквозь.

— Дима, зайди, — дверь в палату открылась, и мама позвала меня.

Я вошел в небольшое помещение с несколькими койками и плачущими вразнобой мониторами. На постели у окна лежал отец в так не вяжущейся с ним больничной пижаме с кислородной маской на лице. Его глаза были закрыты, отчего ситуация казалась по-настоящему зловещей.

— Нам разрешили посидеть с ним немного, — кивая на стул рядом, сказала мама.

Я сел, продолжая разглядывать экраны, трубки и мигающие панели.

— Всё плохое миновало, — каким-то неживым голосом рассказывала она. — Врачи говорят, что он поправится, вот только...

Я посмотрел на маму, ожидая продолжения. Сердце бухнуло о грудную клетку.

— Не ясно, удастся ли ему восстановиться и вернуться на службу...

Внутри похолодело. Или это от того, что одежда промокла, а в палате достаточно свежо?

Руки мелко задрожали, я почувствовал, как по всему телу расползается противный, парализующий страх. Тому было много причин. Во-первых, отец без своей работы жить не мог, во-вторых, если он уйдет со службы, мы лишимся единственного кормильца в семье, и, в-третьих, нам снова придется куда-то переезжать.

Я подавил желание чертыхнуться и посмотрел на лежащего отца. Безразлично и холодно отбивая ритм его сердца, пищал монитор. Еще вчера я парился из-за его очередного скандала с мамой, а сейчас резко и пугающе пришло осознание, что наша жизнь уже не будет прежней.

Моя жизнь уже не будет прежней!

— Ясно... — я кивнул маме. — Я могу чем-то тебе помочь?

Она положила свою руку на мою:

— Нет, сынок, спасибо. Иди домой, а я еще побуду здесь.

— Мам...

— Потом, — она попыталась улыбнуться, останавливая меня. Словно чувствовала, что я хотел задать те самые неудобные вопросы. Думаю, ответов на них она и сама пока не знала.

Я кивнул и вышел в коридор.

На улице лило еще сильнее. Всё вокруг затянуло дымкой, даже джип, создавший толчею и пробку на парковке было не видно.

Отец был непростым человеком с тяжелым и грубоватым характером. Он терпеть не мог слабаков, ленивых неженков, трусов, слюнтяев и бездельников. Потому что сам никогда таким не был.

В детстве я побаивался его громкого голоса и хлесткого ремня, потом — терпеть не мог его идиотской принципиальности, когда получал за пятиминутное опоздание в школу или не выполненное обещание выкинуть мусор, а позже — просто смирился с тем, что мой отец домашний диктатор, и пока я нахожусь на его иждивении, должен играть по его правилам.

Он не умел справляться с эмоциями, и обычно все недовольства и рабочие проблемы вываливал на нас с мамой. Со временем я научился сливаться с его эмоциональной разгрузки, и мне полегчало.

Однажды, засидевшись у нас на кухне со своим приятелем по службе, он разговорился и рассказал о том, что его воспитывал отец, который рано овдовел. Основой всего была дисциплина и трудолюбие. За малейшую провинность тебя ожидало наказание. Отец говорил о деде с восхищением, сожалея, что современные дети хлюпики и нытики. Они бы такой жизни не выдержали.

Отец остался один в девятнадцать лет. Дед умер от сердечного приступа.

Я с детства был другой: не такой принципиальный и сильный, да и цели в жизни у меня до сих пор не было. Может, потому что моей жизнью до этого дня управлял отец?

Я прижался лбом к холодному окну, пытаясь собраться с мыслями.

Бесполезно...

Так нереально, глупо и нелепо. Всё, что происходит так глупо и нелепо...

Глава 13

Рита

Понимая, что разговора с бабушкой мне не миновать, сегодня особенно не хотелось идти домой. Еще у школы я нашла пустую жестяную банку и пинала ее, чтобы хоть как-то отсрочить момент утомительного морализаторства. От мелкого, моросящего дождя кроссовки промокли, пальто неприятно холодило плечи, а с волос почти капало. Вот она — плата за бесцельное шатание по улице и отсутствие зонта.

Раньше со школы меня всегда провожал Рома, и зонт тоже всегда носил он.

Я остановилась и вздохнула. Долго я еще буду вспоминать этого парня?

Может, уже пора купить свой зонт и...

— Вау, сколько же в тебе энергии! — голос Фадеева прозвучал неожиданно и чересчур жизнерадостно. — Так и бьет ключом! Сразу видно, что в школе у тебя всё отлично!

Несмотря на промозглость, внутри вдруг потеплело.

Он стоял под фонарем у моего подъезда в своей привычной позе — убрав руки в карманы брюк. Объемная куртка делала его фигуру еще выше и крепче. В сумерках он казался героем из какого-то фильма.

— Ну и где ты пропадал? Прогуливать нехорошо... — начала я, но замолчала на полуслове. На лице Димы впервые проступили настоящие эмоции, которые совершенно не вязалось с его веселым голосом, а значит...

— Что-то случилось? — торопливо спросила я.

Дима провел рукой по мокрым волосам и улыбнулся:

— Ничего. — Он старался не показывать виду, но по тому, как дернулась его щека, я почувствовала, что угадала, но ему не хочется говорить об этом. — Как *у тебя* дела?

— Четверка по литре и трояк по истории, — переминаясь с ноги на ногу, ответила я. — И Томилин после уроков домой ушел. Опять пришлось дежурить одной... Я всё-таки проучу его как следует!

Дима приблизился ко мне, остановившись в полушаге:

— Почему ты без зонта?

От того, что он оказался так близко, я вдруг забеспокоилась:

— Так... Эм-м-м... У меня его нет... А... что ты тут делаешь?

Дима хмыкнул и посмотрел вверх, словно там можно было что-то увидеть, кроме непроядных облаков и заполонившего всё небо дождя.

Я невольно засмотрелась на его красивое, с острыми скулами лицо, на длинные ресницы и растрепанные, но по-прежнему отлично выглядящие волосы...

— К тебе пришел.

Он посмотрел мне в глаза.

Прямо и уверенно.

У меня перехватило дыхание.

— З-з-зачем? — я старалась сохранить хоть каплю обычной невозмутимости, но находясь так близко, он не давал мне такой возможности.

— И сам не знаю, — Дима пожал плечами и снова улыбнулся.

Мурашками по коже по мне разбегался смысл его слов. Я чувствовала, что он не врет, а еще — что ему сейчас очень одиноко.

Я знала, что такое одиночество, возможно, потому и поняла.

Мгновение я еще сомневалась, а потом... Поднялась на цыпочки и обняла Диму за шею.

Он шумно вдохнул и замер.

Я слышала, как стучит его сердце и чувствовала едва уловимый запах туалетной воды, а еще — тепло его тела...

Время шло, а он не двигался.

Вдоль спины пробежал холодок. Неужели я всё неправильно поняла?

Господи, так и есть! Я всё напутала! Ненормальная!

Порывисто выдохнув, опустила руки. В ту секунду, как я уже готова была сбежать, Дима обнял меня в ответ.

В груди стало жарко, а ноги подкосились. Я теряла точку опоры. Сердце колотилось как ненормальное, отдаваясь болезненной пульсацией в висках.

Я зажмурилась и сильнее прижалась к нему.

— Спасибо... — тихий шепот в очередной раз пробежался мурашками по всему телу.

Я улыбнулась.

Пусть этот момент длится вечно. Пусть никогда не заканчивается!

— Маргари-ита?! — тишину двора, как взрыв, разорвал громкий бабушкин голос. — Что это ты творишь?! Ах, ты, чертовка несовершеннолетняя!

Всё внутри меня ухнуло вниз, я отскочила от Димы как от прокаженного. Успев поймать его ошарашенный взгляд, рванула в подъезд, мечтая не просто скорее скрыться за дверью, а желательно провалиться сквозь землю. Навсегда. Навечно!

— Быстро домой, сию секунду! Ну, чертовка... — больше я ничего не слышала, но чтобы сгорать от стыда, мне и сказанного было достаточно.

Бли-и-и-и, ну почему Мирославе понадобилось посмотреть в окно именно в этот момент?!

Я заскочила в квартиру и захлопнула за собой дверь. Легкие горели огнем, а колени ходунгом ходили от неприятной дрожи.

— Что это было? — Несмотря на больные ноги бабушка всё-таки вышла в коридор. Её голос звучал жестко, даже пугающе. — Что ты только что делала во дворе с тем парнем?!

Под высоким потолком недовольно зазвенело эхо ее громкого голоса.

— Я... просто... пожалела его, — выдавила с трудом.

— Что? — бабушка опешила, но быстро собралась, явно решив, что я издеваюсь над ней: — Я тут голову ломаю, почему ты так отвратительно учишься, а ответ — вот он! — Она ткнула пальцем в сторону окна. — Вот что, Маргарита, я сейчас же звоню твоим родителям! Не при мне моя внучка будет последней двоечницей в моей же школе, и не при мне она будет шлаться со всякими непонятными парнями во дворе, где меня каждая собака знает!

Я стянула мокрые кроссовки и пошла в свою комнату.

— Вот так и уйдешь? — снова повышая голос, крикнула мне в спину Мирослава. — Тебе больше нечего сказать?!

— Нечего, — ответила ей тихо и закрыла за собой дверь.

Я упала на кровать, чувствуя, как дрожь медленно оставляет в покое мое тело.

Какая же нелепая ситуация... Чер-р-р-т! Стыдно-то как перед Фадеевым...

Я накрыла голову подушкой в наивной надежде, что так мысли перестанут возиться в ней, гипертрофируя и без того патовую ситуацию.

Через пятнадцать минут позвонила мама. Вот о чем я должна сейчас переживать, а не о том, что подумал Дима.

Глава 14

Дима

Ирина Викторовна раздала тетради с результатами очередной самостоятельной по алгебре, и по классу пробежался разочарованный ропот.

— Уважуха, бро! — Похлопал меня по плечу Макс, мельком заглянув в мою тетрадь.

Я кивнул и посмотрел на Риту. Сжав кулаки, она молча разглядывала перечеркнутую красной ручкой работу.

Опять завалила.

— Ребята, как вы уже знаете, в эту пятницу наша школа отмечает свой очередной день рождения. — Привлекая внимание, Ирина Викторовна постучала ручкой по столу. — В четверг сдаем стенгазету от класса, а с завтрашнего дня начинаются общешкольные репетиции праздничного концерта. Если есть еще какие-то идеи номеров художественной самодеятельности, пожалуйста, скажите мне!

Класс зашумел, навскидку предлагая идиотские варианты и тут же угорая над ними.

— Так, и в четверг вечером мы наряжаем актовый зал! — перекрикивала классная всеобщий галдеж. — Нужно пять человек...

— Новенькие идут, это уже трое! — нахальненько улыбаясь, заявил Ткаченко. Ясно, что перспектива проводить время до ночи, украшая школьный зал никого не вдохновляла, а тут такая возможность свалить эти обязанности на кого-то.

Ну, красавчик.

Мы встретились с ним взглядом, и я хмыкнул.

Кажется после того, как я перестал проводить время с Алёной он оставил попытки начать мне фэйс, но поганенькие комментарии сдерживать не спешил.

— Отличная идея, Кирилл, — поддержала этого идиота Ирина Викторовна.

— Поздравляю, — одними губами произнес Ткаченко и отвернулся к Игнату.

Вот же... черт!

— Тогда записываю: Томилин, Фадеев, Звонарёва, Говоров...

— Я-то тут при чем? — забубнил Николай. — Я самый старенький в классе между прочим...

— И самый ответственный, на тебя я могу положиться, — сразу обрубая пути к отступлению, заявила классная. — И... Катя Синицына. Жду вас в четверг после уроков в актовом зале. На сегодня всё.

Шумно переговариваясь, народ собирал с парт вещи.

— Погнали в столовку, — толкнул меня Макс. — Говорят, там котлеты сегодня зачетные.

Я кивнул, боковым зрением отмечая, что Рита не сдвинулась с места, по своей привычке глядя куда-то в окно.

На мгновение я завис, вспоминая вчерашний вечер.

В больнице мне было делать нечего, в пустую квартиру идти не хотелось, вот и шатался по району. Я и сам не понял, как оказался у её дома.

Наша встреча, разговор, её объятия, от которых у меня крышу снесло так, как не сносило еще никогда за почти что восемнадцать лет, — всё это отдавалось теплом в груди слева...

— Диман, ты чё? Никак на Звонарёву запал? — Изображая дикое удивление, повис на моем плече Томилин. — С огнём играешь. Не смей, Марго моя! — паясничал мой приятель.

Рита обернулась, и я задержал дыхание, словно что-то ударило в грудь. Огромные васильковые глаза смотрели строго, а брови привычно хмурились.

Чёрт!

Это было мило.

И когда я стал фанатом её недружелюбной мимики?

— Упс, бежим, бро, а то получим оба! — выскакивая из класса, на ходу крикнул Макс. Я же стоял, как вкопанный, не в силах сделать шаг. И не потому, что боялся. Мне *не хотелось* уходить.

Мгновение, и Рита отвернулась, собирая тетради и учебник. Ручки раскатились по парте, змейка на рюкзаке не слушалась.

Хотелось сказать что-то, но я не знал что. Возможно, ей неловко за вчерашнее. Хотя, как по мне, так её неожиданные объятия были трогательными, что ли... В любом случае, усугублять не хотелось. Вот и стоял как деревянный, пялясь на неё в надежде еще хотя бы раз встретиться взглядом.

Справившись с вещами, и проходя мимо, она посмотрела на меня. Я изобразил самое няшное выражение лица, на которое только был способен.

Рита еще сильнее нахмурилась:

— Дим, тебе делать нечего? — В животе завозило от её голоса и этого: «Дим»... *Первый раз назвала меня по имени.*

— Нечего, — сознался честно.

Рита покачала головой и вышла из класса, оставив за собой шлейф из сладкого запаха ягодных карамелек.

Я убрал руки в карманы, чувствуя, что губы сами собой растягиваются в улыбке.

В рюкзаке, не дав докайфовать момент, завибрировал мобильный:

«Жду тебя у раздевалок».

Даже в сообщении тон Алёны читался на раз-два.

Увидев её издали я убедился, что моя бывшая, мягко говоря, не в духе.

— Привет, — опираясь плечом на стену, поздоровался я.

— Фадеев, что происходит? — с явным вызовом, спросила девушка.

На колу мочало — начинай сначала... Вроде, мы уже всё выяснили. Или она о чем-то новом?

— Что происходит? — уточнил, реально не понимая.

— Капец! Ты серьезно?

Я молчал, и Алёна рассердилась:

— Я твоя девушка, если ты забыл. И мы с тобой встречаемся! Так какого хрена ты ведешь себя так, как будто мы не знакомы?

Моя челюсть упала. Вот так поворот. Флирт был. Поцелуи на первом свидании были. Близость на втором и третьем была. Но глагол «встречаться» ни я, ни она не употребляли. Лично я вообще на подобные тандемы не подписываюсь.

— Что это за выражение лица? — зашипела Мельникова. — Ты с чем-то не согласен?

Да я со всем не согласен!!!

— Эм-м-м... Так ты же, вроде, бросила меня, — попытался я слиться и обойтись малой кровью, не называя вещи своими именами.

— Ты идиота-то из себя не строй! Я предложила пойти ко мне, ты отказался, вот и всё.

— Ну да. Вот и всё.

Кажется, до Алёны начало доходить. Выражение её лица на мгновение стало растерянным, а потом — злобным.

— Ну ты и сволочь, Фадеев... — выдохнула она и, развернувшись на высоких каблуках, зацокала прочь.

Я и не отрицаю. Я еще та скотина. Но в наших отношениях с самого начала не было перспективных планов. Провели вместе время — и по домам.

— И тебе удачи, Алён, — кинул ей в спину.

Глядя, как она удаляется, наверное, стоило испытывать досаду, но внутри почему-то было спокойно и как-то правильно.

«Котлеты остыли. И я всё съел. Тебя Марго убила, что ли?» — Макс своим идиотским сообщением лишил меня возможности порефлексировать.

«Иду в столовую. Ищи сожранные котлеты где хочешь. Иначе тебе конец».